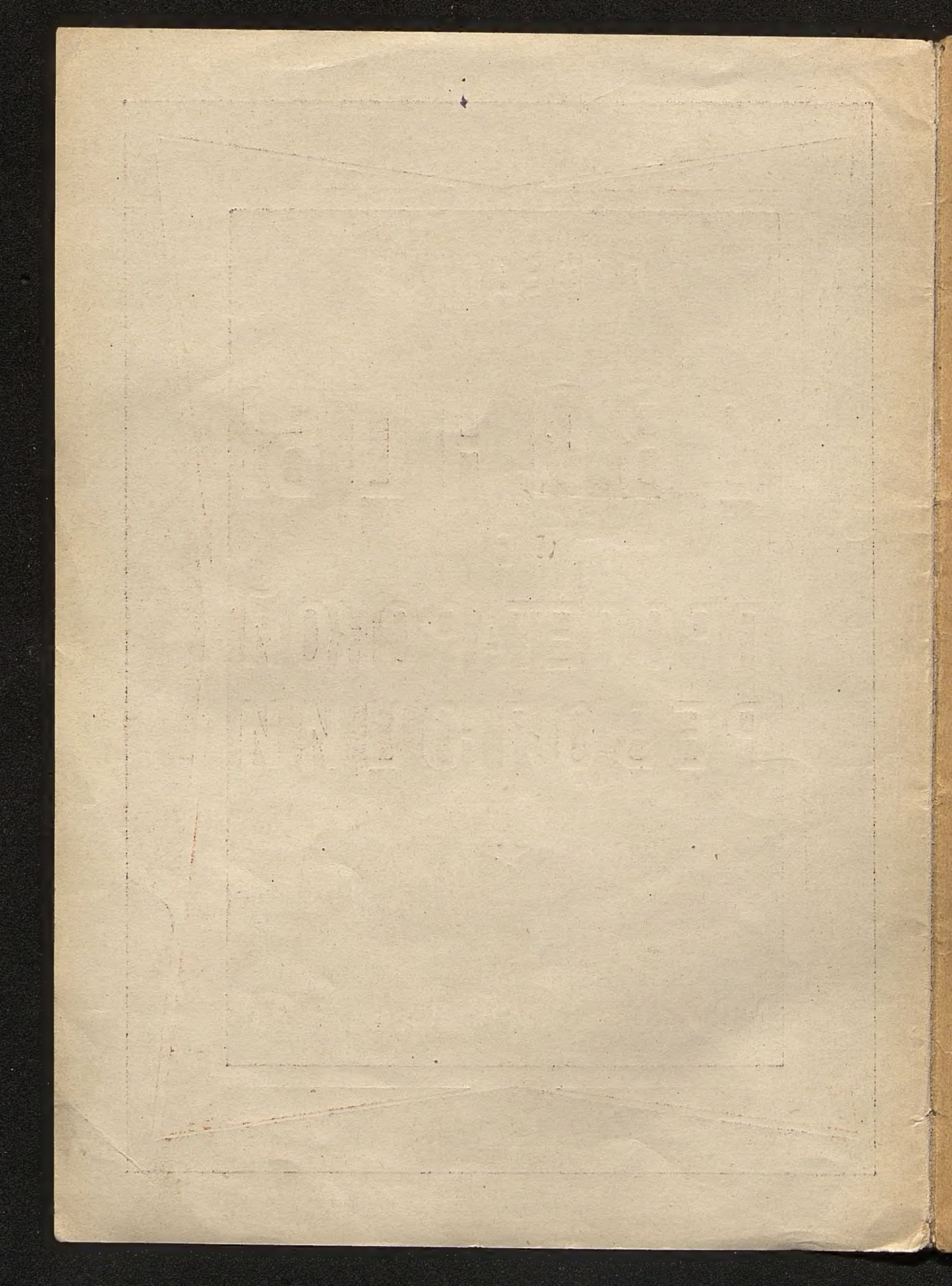
П. ФЕДОТОВ

ДВИНЦЫ В ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

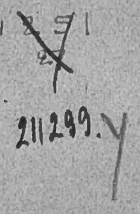
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

П. Ф. ФЕДОТОВ (Двинец)

ДВИНЦЫ В ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Мосгублит № 37.462 3.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я тип., Трехпрудный, 9.

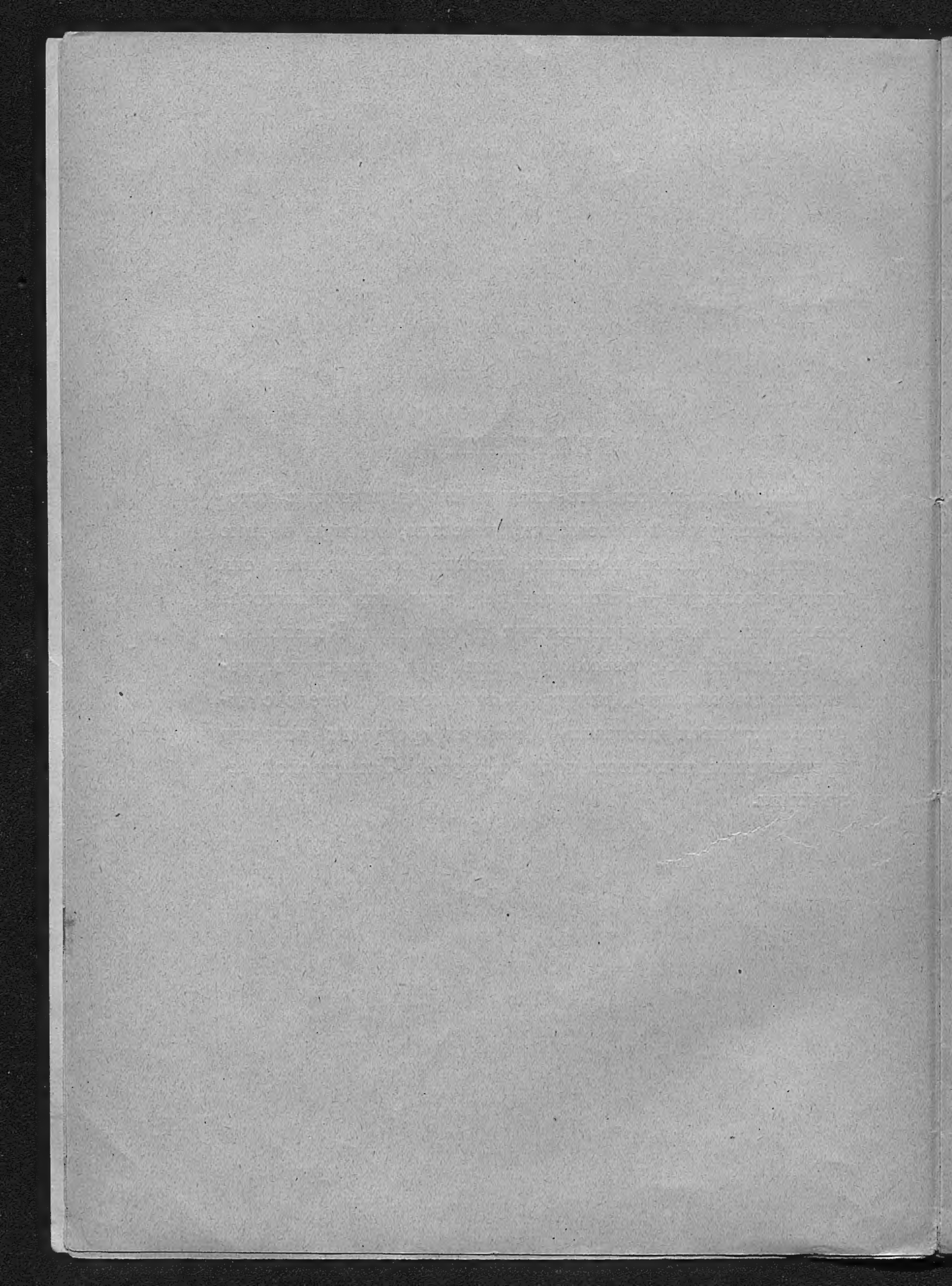
П. Ф. Федотов (Двинец)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Как уже всем тем, кто сколько-нибудь знаком с историей Октябрьской революции, известно, двинцы первые подняли в Москве восстание против вооруженных сил контр-революции,—белогвардейцев, которыми командовал полковник Рябцев, приспешник и опричник Керенского.

В десятый год революции, мне, как одному из уцелевших до сих пор двинцев, в задушевной беседе с читателем хочется рассказать о двинцах, проследить историю превращения двинского полка в героев Октябрьской революции.

ЧАСТЬ I

120 дивизия старой царской армии в эпоху империалистической войны находилась вначале на Рижском фронте, а затем до самых Октябрьских дней на Двинском. Находясь на позициях Рижского фронта, эта дивизия ничем особенно не отличалась от других дивизий, разве только тем, что в нашем 479 пехотном полку всегда можно было достать самые новейшие прокламации, заграничную большевистскую газету „Социал-Демократ" и нелегальные брошюры.

Я лично держал постоянную связь с Питером (Ленинградом) через снабжавшего нас прокламациями и заграничными газетами товарища Ванюшу Горелова, рабочего-слесаря завода „Новый Леснер". 20 февраля 1916 г. я получил отпуск на 20 дней, который провел в Москве и Питере, использовав это время для укрепления связей с партией через старых знакомых по подпольной работе. Решительных директив я в то время не получил, зато получил два битком набитых чемодана прокламаций,— правда, не очень больших. Один из них был обтянут сверху солдатской сумкой на подтяжках, крест-накрест, для удобного ношения на спине, а другой — обыкновенный ручной. Конечно, везти на фронт прокламации было опасно, но я, как отпускной „солдатик", ни у кого подозрений

не вызвал и довез все благополучно до моего 479 полка. В это время полк находился у острова Дален на рижских позициях в резерве на отдыхе.

По приезде в полк мы начали понемножку извлекать из чемоданчиков прокламации и брошюрки и передавать их надежным „ребятишкам". Конечно, если сказать откровенно, то никакой настоящей организации у нас в дивизии и в полку не было.

Было просто несколько хороших товарищей, которые сжились и понимали друг друга. У меня и у некоторых других была связь с Рижской организацией большевиков, а также и с другими дивизиями, расположенными с нами по соседству. Кроме того, хорошая и надежная связь была у меня в то время с 24 авиационным отрядом через Петра Стригачева, бывшего рабочего завода „Дукс" в Москве — по специальности деревообделочника. В Москве мы с ним вместе работали в профессиональных союзах — я у обувщиков, а он у деревообделочников. Мы с ним друг друга не боялись и действовали без риска.

Вот через него-то мне и удавалось иногда бросать прокламации в войсковые части с аэропланов.

Интересная картина получилась у нас на фронте в связи с очень сильным наступлением с русской стороны на немцев 8 марта 1916 г.

Мы развили лихорадочную деятельность и снабдили прокламациями 11, 13, 53 и 120 дивизии, а также артиллерию. Я работал в команде связи нашего полка рядовым, но тут как-то случилось, что я был назначен старшим. Начальником команды в это время был у нас либеральствующий офицер-прапорщик, заигрывавший с нами. Поэтому для нашего кружка создались до некоторой степени благоприятные условия.

Приказ о наступлении был нам прочитан еще 7 марта вечером во время поверки. Солдатики, делая жуликоватые глаза, спели, как полагается, „боже, царя храни“ и легли спать. Мне удалось переговорить с очень большим количеством товарищей. Человек 12—15—это для того времени было большое количество. Было условлено прокламации зря не раскидывать, а делать так: когда будем переходить с одного места на другое или из одних землянок и окопов в другие, то стараться оставлять прокламации в папиросных коробках. Проходящие войсковые части прежде всего всегда бросались на папиросные коробки, надеясь найти в них табак. В данном же случае они должны были найти в папиросных коробках совершенно другое удовольствие — прокламации.

В 3 часа утра всех нас разбудил гул орудийных выстрелов с обеих сторон. Били орудия на передовых позициях, рвались снаряды до 11 часов утра. Затем был отдан приказ продвигаться вперед. Латышские части дрались успешно. Наши же полки работали плохо; мятель, ветер, а позднее дождь,— все это действовало на наших солдат. Слышались разговоры по телефону между офицерами, что солдаты не хотят итти в наступление. И вот в 9 часов вечера передается телефонограмма от командующего армией: „Наступление прекратить вследствие ветра и совершенно неблагоприятной погоды, а также в виду того, что злонамеренные лица ведут отчаянную агитацию против наступления. Точка. Назначаю совещание начдивов у меня в штабе в 10 часов утра. Точка.“ Принял я эту телефонограмму сам и передал начальнику связи. Тот прочел и чему-то усмехнулся. Очевидно, он был рад тому, что ему на следующий день удастся поехать в Ригу, где у него возлюбленная, к тому же он любил покутить и иногда по два-три дня кряду не являлся в полк,

Так наступление 8 марта и не состоялось. Мы в душе торжествовали. В этот вечер я с особенным вниманием прочел еще раз брошюру тт. Ленина и Зиновьева „Война и социализм“.

У нас была маленькая земляночка, где находились я, Летунов, Трофимов и Фролов (о первых двух я буду еще говорить ниже, а тов. Фролов уже в 1918 г. был моим заместителем в главном управлении пограничных войск, где я был главным комиссаром). Поужинав чечевичного супа с воблой, мы долго в этот вечер не спали и думали о многом, думали и о том, как начать братание с немецкими солдатами. После долгих подготовок на первый день Пасхи нам удалось осуществить братание. Мы стояли в это время в окопах на передовых позициях. Началось очень просто. Днем, после обеда, Летунов-толстяк вышел из окопа и запел красивым и громким басом (а пел он очень складно и управлял даже полковым хором) песню „Из-за острова на стрежень“. Услышав его песню немецкие солдаты вышли из окопов. Вышли и наши солдаты. Перебрасываясь шутками, наши постепенно отходили от окопов на середину междуокопной полосы. Мы с Фроловым шли впереди. Немецкие солдаты вплотную подошли к нам. Вдруг один немец вынул из кармана бутылку вина и налил в металлический стаканчик. Фролов выпил, нисколько не стесняясь, и сразу завоевал у них доверие. И как-то сразу создалась дружественная беседа, конечно, не словами, а больше знаками.

— Гут, очень гут, — сказал Фролов: — вот стаканчик.

— Гу-у-т, гут, гу-у-т,—вскричал от радости немецкий солдатик. Вдруг немецкий солдатик закричал из толпы: „Долой войну!“ Наши хором подхватили: „Долой! Долой войну! Мир! Мир!“

Через десять минут раздались крики нашего начальства: „По окопам. Марш!“

Мы наскоро обменивались кое-какими подарками, кто чем мог. Один из наших получил зажигалку вместо буханки хлеба, Летунов получил портсигар вместо куска сливочного масла и т. д. С немецкой стороны тоже раздалась команда, и все стали нехотя расходиться. К вечеру в немецких окопах слышался шум: очевидно, сменялись части войск. Через два дня нас тоже сменил другой батальон. Так прервалось наше первое братание.

ЧАСТЬ II

В начале 1917 г. много было разговоров среди рядовиков как комсостава, так и солдат, о последних событиях при царском дворе, о дебатах в Государственной думе. Много появилось прокламаций как с.-д., так и с.-р. В качестве нелегальных прокламаций распространялись речи депутатов Государственной думы Чхеидзе и Керенского. Настроение было таково, что надо во что бы то ни стало кончить войну. Наша группа работала очень конспиративно и давала тон истинно большевистской ориентировки. Наша дивизия была почти все время в походах. Но вот мы в двадцатых числах января остановились уже на более длительное время в окопах на Пинском участке. И здесь, в глуши, нас и застала Февральская революция.

Начальство в первые дни всячески скрывало от солдат факт падения самодержавия. Когда же больше скрывать стало нельзя,—командир полка собрал резервные батальоны и, выстроив их, об'явил, что долгожданный день наступил, царь отказался от престола, у власти стало Временное правительство. Во главе правительства—князь Львов, Керенский—министр юстиции. Полковник обошел ряды и поцеловал всех солдат. Кричали „ура". Но нам противны были его поцелуи. Мы думали о дру-

гом: как бы об'яснить солдатам настоящее положение вещей. Наши ребята получили соответствующие задания от нас.

Вскоре был созван с'езд солдатских депутатов-представителей в районе штаба дивизии. На этот с'езд приехал из Петрограда кадет Гучков и раз'яснил, что царь свергнут, но Временное правительство призывает к спокойствию и продолжению войны до победного конца.

Я лично выступил против него—за немедленный мир, я повторил свое выступление на общем митинге около штаба дивизии, за что солдаты понесли меня на руках в штаб дивизии, при криках: „Долой войну".

В этот вечер солдаты саперного батальона арестовали начальника дивизии генерала Коленковского, старого генерала-монархиста.

По возвращении в полк, я нашел газеты из Петрограда, благодаря чему я уже мог уяснить себе сущность происходящих событий.

На утро было собрание двух резервных батальонов, и нам опять старались раз'яснить происходящие события под углом зрения „война до победного конца". Но солдаты говорили уже открыто, что „нужен мир и— никаких гвоздей. Нечего путать народ".

На этом собрании батальонов было решено утвердить временный полковой комитет. В полковой комитет попало два молодых прапорщика; два линейных батальона с самых передовых позиций прислали большинство солдат. В полковой комитет были избраны: Летунов, Фролов, Трофимов и я. Я был председателем. 479 полковой комитет был крайне левый, и поэтому ему пришлось существовать недолго. Через две недели комитет переизбрали, но ядро наше целиком осталось. За эти две недели у меня уже наладилась связь со многими полками

и двумя соседними дивизиями. Мы вели последовательную работу по раз'яснению событий с помощью газеты „Правда", которую нам с трудом удавалось получать через командированных в Питер солдат.

Вскоре был назначен с'езд солдатских депутатов 1 армии в селе „Глубокое", при штабе армии.

Эсеры и меньшевики вели широкую работу по подготовке этого с'езда. Нашей группе пришлось достаточно подрать горло, чтобы хоть несколько ослабить их успех. С'ехалось до 300 депутатов, из них много было офицеров. В частности от офицеров в качестве депутата был выбран известный черносотенец—генерал Довбор-Мусницкий.

Перед открытием с'езда мы все-таки сумели собрать фракцию большевиков. Она была очень незначительна (человек 25), но для начала и это хорошо. Мы решили из-за тактических соображений никого от себя как от фракции в президиум не выдвигать, а выдвигать персонально заявкой на первом заседании с'езда.

С'езд открывается генералом, начальником штаба 1 армии Довбор-Мусницким. Нужно ему отдать справедливость: подходить к массе он умел. Но он не был достаточно выдержан, а потому и проиграл на первом же собрании. Как это случилось, будет сказано ниже.

Председателем солдаты-депутаты выдвинули меня. Кроме меня, в президиуме оказались еще тов. Войтов, тоже большевик, и левый эсер прапорщик Егоров.

Я провозгласил заседание с'езда открытым, предложил почтить память погибших товарищей вставанием и спеть похоронный марш. Все пели хорошо—уже научились на митингах. Довбор-Мусницкий и некоторые офицеры пели с оттенком иронии.

Приняли порядок дня: текущий момент, выборы делегатов в Петроград и еще какие-то вопросы были—не помню.

По текущему моменту говорил эсер Егоров. Он был в чине поручика, командир одного из батальонов. После его речи выступил я, как большевик, по существу доклада. Офицеры и часть солдат встретили мою речь свистом и обструкцией. После меня взял слово генерал Довбор-Мусницкий и начал говорить, что если бы он знал, что в армии есть такие бандиты, как Федотов, так он давно повесил бы его. Это заявление было встречено со стороны офицеров одобрительным смехом, а со стороны значительного большинства солдат возмущением.

— Гражданин Довбор-Мусницкий, я призываю вас к порядку, прошу не возбуждать одну часть с'езда против другой,—сказал я.

Он же с насмешкой продолжал:

— Посмотрим, что скажет собрание,—говорил он, почти издеваясь над с'ездом.—Что вы понимаете? Ведь Милюков, Керенский вас так зажмут, что не видать вам революции, как своего носа.

Дальше он произнес монархическую речь и, видя, что его благосклонно принимает офицерский состав, начал издеваться над президиумом с'езда, говоря: „Председатель?! Мы таких председателей не должны выбирать, я требую немедленного переизбрания председателя".

Солдаты загудели.

— Долой генералов! Что вы смотрите, тов. председатель?—раздались голоса.

Группа наших внесла предложение в президиум: исключить Довбор-Мусницкого из членов с'езда. Генерал Довбор-Мусницкий, беснуясь от злости, подошел крича к столу президиума. При общем шуме гром аплодисментов раздался со стороны солдат.

— У меня есть предложение, товарищи, об исключении Довбор-Мусницкого,—сказал я.—Разрешите мне это

предложение поставить на голосование еще и в виду того, что речь Довбор-Мусницкого является явно черносотенной и монархической.

Тут произошел невыразимый шум. Депутаты все встали, споря между собой. Довбор-Мусницкий, подняв кулаки, что-то неистово кричал около меня. Солдаты, главным образом, нашей дивизии, немедленно обступили стол президиума и устроили как бы защиту мне. Офицеры, за исключением двух, рьяно защищали Довбор-Мусницкого, кричали и волновались перед частью растерявшихся солдат. Я взобрался на стол и, стараясь перекричать их, обратился к собранию с речью. В начале речи все еще продолжали кричать, но когда я сказал, что, несмотря на бесправный поступок генерала Довбор-Мусницкого, необходимо хладнокровно подойти к этому вопросу и обсудить его поступок, все притихли. Я продолжал: — Мы должны просто попросить Довбор-Мусницкого покинуть наш с'езд, как бесполезное для него собрание. Поэтому разрешите мое предложение поставить на голосование. Кто за то, чтобы просить генерала Довбор-Мусницкого покинуть с'езд, прошу поднять руки.

И, за исключением двух-трех офицеров, все подняли руки. Генерал Довбор-Мусницкий обескураженный вышел из залы заседания, и мы уже более спокойно продолжали с'езд. Большевиков, членов партии, на этом с'езде, как уже сказано, было немного. Много было эсеров, меньшевиков и даже кадетов, однако, большое количество солдат-депутатов, конечно, было за мир, и поэтому мы одержали верх.

Этот с'езд выбрал 8 человек, в том числе меня и Войтова, на I Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, которое должно было состояться между 2—4 апреля 1917 г.

ЧАСТЬ III

Не безынтересно, я думаю, отметить несколько характерных моментов этого совещания. Избирается президиум. Председатель—социал-демократ меньшевик Чхеидзе. Речи говорят Церетели, Керенский. Депутаты кричат „браво". Поют Марсельезу. Вот на трибуне появляется так называемая бабушка революции эсерка—Брешко-Брешковская. Буря аплодисментов почти всего совещания. После нее говорит опять Керенский:—Война до победного конца и т. д. После речи он берет кресло, в котором сидит Брешко-Брешковская. Ему помогает Церетели и еще несколько человек из президиума, и через зал бывшей Государственной думы, где заседало совещание, ее торжественно проносят до коридоров. Гром аплодисментов, даже дрожит здание старого Таврического дворца.

Мы с Войтовым улыбаемся. Остальная часть нашей делегации I армии ревет от восторга.

Я лично после этого заседания мало посещал остальные заседания с'езда, больше посещал большевистские собрания. После этого совещания Егоров, левый эсер, и Войтов, большевик, были выбраны в члены ВЦИК от нашей делегации. Я же уехал на фронт, запасшись различного рода литературой и установив связи с военной организацией большевиков. Мне удалось провезти большое количество литературы.

По приезде в свой полк я встретил очень дружелюбное отношение со стороны солдат, но во главе полкового комитета был уже правый эсер. И когда на следующий день я сделал на полковом собрании доклад в духе тезисов Ленина, я, конечно, встретил большой отпор со стороны этого председателя. Но солдаты меня знали и верили мне, и через некоторое время я был избран опять председателем полкового комитета. В течение нескольких дней я делал доклады не только в нашей 120 дивизии, но и в других артиллерийских и пехотных частях. Работа была трудная, потому что армейский комитет наводнял все собрания и митинги меньшевистскими и эсеровскими ораторами.

Наша 120 дивизия за это время была распропагандирована настолько, что не хотела вообще исполнять приказов штаба армии, и если даже нужно было сделать какой-либо переход с одного места на другое, солдаты выносили резолюции за немедленное окончание войны. Такие резолюции были напечатаны в Петроградской газете „Правда". Резолюции эти были доставлены в Петроград тов. Летуновым, ездившим туда по командировке полкового комитета, а главным образом для получения директив от военной организации через тов. Еремеева, с которым мы имели связь.

В конце мая в городе Валк был созван с'езд представителей частей 1 армии. На этом с'езде выступал „главноуговаривающий" Керенский. В его речи все, конечно, сводилось к лозунгу: „война до победного конца". После него выступил я с большевистской речью, построенной на основании брошюры Коллонтай „Кому нужна война". Против меня выступил целый ряд штабных офицеров. И солдаты, эсеры и меньшевики, выступали против меня. На этом с'езде была маленькая горсточка боль-

шевиков. Против Керенского, кроме меня, выступил лишь один Войтов. Он поддерживал лозунги, выставленные мной: „долой войну“ и „немедленный мир“. Нужно сказать, что на с‘ездах тогда вопрос ставился резко: или война до победоносного конца, или мир во что бы то ни стало — две ярко определившихся точки зрения.

Едва я успел вернуться в часть, как сразу же был выбран от 120 дивизии на фронтовой с‘езд в Псков. Здесь мне впервые пришлось познакомиться с кадетом Виленкиным, который потом в 5 армии вместе с комиссаром Временного правительства 5 армии Ходоровым и под руководством последнего играл крупную контрреволюционную роль. На фронтовом с‘езде моя речь о Красном формирующемся Интернационале и черном организованном интернационале империалистов прозвучала опять одиноко. И, кроме одного солдата, поддержки я там ни в ком не встретил. После этого с‘езда я опять возвратился к себе в 479 полк.

Через дня два к нам в полк приехал помощник военного министра Временного правительства эсер — Лебедев.

Мне пришлось выступить против него. После моей речи солдаты нашего полка приняли резолюцию уйти с фронта. Я знал, что этот дезорганизованный поступок ни к чему не приведет и настоял на резолюции: „стоять на месте и никуда не передвигаться“, что и было проведено в жизнь во время июньского наступления: дальше своих окопов не пошли.

После этого начались сильные гонения на меня со стороны властей, штаба армии. В это время командующим 37 корпусом был генерал барон Брумберг, комиссаром Временного правительства поручик Долгополов. Они вызвали меня вместе с тов. Летуновым и меньшевиком Громовым, секретарем нашего полкового коми-

тета, на допрос. С нами был вызван также и командир 479 полка. На этом допросе дело было обставлено очень умно, с нами просто и „дружески" беседовали: как мы смотрим на все происходящие события, как смотрим на сосредоточение войск со стороны немцев, причем развивалась мысль, что наступление с нашей стороны является единственным выходом из создавшегося положения, а если мы не будем дисциплинированно наступать,— вся наша революция пойдет на смарку.

О чем можно было говорить с этим генералом — бароном? В душе у меня, кроме полного презрения к нему, ничего не было. Мы все заявили, что создавшиеся условия разлагают армию.

Не даром Брумберг в своей книге, которая издана в Германии, в воспоминаниях об этом времени, называет меня бандитом. „Бандит Федотов руководил 120 дивизией",—пишет Брумгер. Но в то время он держал себя с нами очень тактично. Допрос этот кончился, однако, тем, что, по приезде нашем в полк, меня, Летунова и Трофимова, вызвали в штаб 5 армии в чрезвычайную комиссию для выяснения личности и деятельности, так как нас обвиняли в том, что мы подкупленные немцами шпионы.

Нужно сказать, что в разгар июньских дней на фронте всех большевистски настроенных подводили под рубрику „немецкий шпион" и „дезертир-бандит". Других названий для большевиков у Керенского и либер-дановского толка золотопогонной сволочи не было. Им вторила одураченная часть солдат.

Явившись в комиссию, мы все трое сейчас же были арестованы без пред'явления нам каких-либо обвинений. Нас бросили в Двинскую военную тюрьму. Здесь мы воочию убедились в прелести сладких слов агентов Керенского, раз'езжающих по фронту. Мы увидели, что

тюрьма переполнена нашей братвой. Как потом мы выяснили из разговоров, во всех частях произошли аресты. Арестовывали по малейшему доносу в одиночку и группами и целыми войсковыми частями. В крепости гор. Двинска было сконцентрировано около 20 тысяч арестованных „непослушных“ солдат. Аресты производились при помощи батальонов смерти, кавалерийских частей и броневиков, преданных Керенскому и его опричникам, вроде Долгополова и Ходорова. Придя в камеру № 4, мы увидели там наших товарищей по духу и по работе, которая в то время стояла перед нами. От товарищей мы узнали, что в тюрьме сидят председатели и члены ротных, полковых и разных фронтовых комитетов. Есть участники с‘ездов армий.

Через пять-шесть дней мы получили записку в нашу камеру с предложением об‘явить голодовку для того, чтобы добиться открытия всех камер для общения и свободной прогулки по всей тюрьме.

Оказалось, достаточно было одного требования — и камеры стали открывать.

Вскоре состоялось организационное собрание всех заключенных. На этом собрании избрали тюремный комитет для организованного руководства. Я был выбран председателем, тов. Торгованов—секретарем. Работа спайки началась. Длинные дни и вечера у нас проходили или в коридорах или в больших камерах человек по 200. Всего в тюрьме сидело около 900 человек. Читались лекции. Велась работа. Через стражу получали газеты. Попадала к нам даже „Правда“. Караульные солдаты охотно шли нам навстречу, говоря, что все равно скоро ожидается восстание, и что Керенского убьют. Вечером они, слушая наши речи, говорили: — Вот настоящие-то где сидят,— погоди, чорт Керенский!

Нашему комитету удалось вынести на общем собрании резолюцию, в которой мы призывали к забастовке и освобождению из тюрьмы арестованных солдат. Эта резолюция была напечатана в московской газете „Социал-Демократ“. И все революционные пролетарии узнали, как на фронте арестовывают комитеты и бросают их членов в тюрьмы.

Сидя в тюрьме, мы не прекращали революционной борьбы. Через караульных достали красного материала и золотыми словами написали на всякий случай знамена с лозунгами: „Да здравствует III Интернационал“, „Мир— хижинам, война — дворцам“. С этими знаменами мы собираемся в коридоре тюрьмы. Радостно бьется сердце, у каждого ярко горят глаза, пылая жаждою борьбы. Устраиваем митинг, раздаются крики: „Да здравствует пролетарская революция!..“ „Долой соглашателей!..“ Поем „Интернационал“. Мрачные стены тюрьмы содрогаются от звуков „Интернационала“... Все больше охватывает заключенных энтузиазм, и кажется, что все преграды разбиты.

Вот приходит начальник тюрьмы и хочет поговорить с нами, почему у нас сегодня такое возбужденное настроение. Еще громче раздается „Интернационал“... А около тюрьмы собралась толпа и машет платками в сторону тюрьмы. Некоторые—очевидно, родственники— утирают слезы... Ночь тихо подкралась — разошлись по камерам... начались групповые собеседования, декламация... И так день за днем ширится сознание, разгорается у всех жажда борьбы... 30 августа приходит к нам в тюрьму член Исполнительного комитета 5 армии — Заяц,— да будет с позором занесено его имя на скрижали истории, вместе с другими именами Ходоровых и Долгополовых, жандармов и опричников произвола керенщины! Заяц нам

заявил, что „пришло предписание эвакуировать всех арестованных в глубь России“. Запрыгала душа у нас, думаем: уж там-то как-нибудь освободимся, доберемся до Москвы и поможем товарищам...

Некоторые стали говорить, что не надо ехать... что нас там перестреляют, как собак. Однако, основная группа (и я в том числе) была за то, чтобы ехать. 1 сентября 1917 г. под усиленным конвоем двух полков, которые стали в шеренгу, имея при себе несколько пулеметов и броневик, мы были посажены в поезд, всего 869 человек. В пути нас охранял кавалерийский отряд, по два человека на каждый вагон, и сопровождали представители Исполкома 5 армии. Мы, „комитет“, постарались сесть в один вагон. Двери вагонов мы не могли открывать без разрешения конвойных кавалеристов. Так наш эшелон двинулся из Двинска по направлению к Витебску.

На утро поезд останавливается у какой-то большой станции. В окна мы выкидываем наши знамена. Хотя двери заперты, но наши товарищи говорят перед толпой из окон Все узнают, что мы—арестованные, кричат „ура“. Наши в ответ также кричат —„ура“... „ура“. Нам подают газеты. Читаем... Генералом Корниловым издан приказ... Телеграмма Корнилова... что такое? В чем дело?.. Дело оказалось в том, что наступили и „Корниловские дни“... Послышались разговоры, что нас повезут в Могилев в ставку главнокомандующего, а там будто вооружат и пошлют опять на фронт. Комитет наш, обсудив положение, вынес решение требовать, чтобы нас везли в Москву. Я составил требование и просил со станции передать депешей в Витебский совет рабочих и солдатских депутатов. Рабочий исполнил мою просьбу и понес депешу на телеграф. Мы отправились дальше. К вечеру приехали в г. Витебск,

В дороге настроение было возбужденное. Одного конвойного выбросили в окно. По приезде в Витебск конвойные открыли двери вагонов. Мы сейчас же устроили митинг и решили итти со знаменами к Совету. Караульное начальство присмирело, очевидно, струсило и больше нам уже не мешало. Через некоторое время пришел представитель Совета и встретил нас на платформе. Станция охранялась большевиками и солдатами. Настроение сдержанное, чувствуется, что происходит что-то большое, необходима выдержка. Мы пошли к Совету. Там приняли нас как-то холодно, и никакого содействия мы не получили. Мы даем телеграмму в Москву. Уполномоченный на станции был большевик и дал нам направление на Москву... Москва! Москва! Как отрадно бьется сердце: думаем, что уже в Москве-то наверное началось восстание. На станции собрались железнодорожные рабочие и, провожая нас, кричали: „Ура!.. Долой войну!“ Едем ночь и день. Часов в 10—11 вечера мы уже в Москве. Сговорились в тюрьму не садиться и требовать делегатов от рабочих... Однако, наше караульное начальство, как мы потом узнали, дало другую телеграмму, и нас сочли действительно за дезертиров с фронта. Поэтому нас встретила вооруженная рота 55 полка и комендант Бутырской тюрьмы.

Мы требуем кого-нибудь из большевиков. Приходит член тюремной комиссии, показывает партийный билет. Спрашиваем у него, как лучше поступить. Он нам советует сесть до разбора дела. Что же? Раз так надо, сядем... И мы, 869 человек, с пением „Интернационала“, со знаменами пошли по направлению к тюрьме, надеясь, что завтра же нас выпустят... Ночь-то можно и потерпеть... Входим в ворота знаменитой „Бутырки“. Поем „Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе“.

Только что вошли со знаменами за ворота, как сейчас же кто-то вырвал одно знамя, другое мы успели спрятать. Рассадили нас в красных корпусах, человек по 20—25 в камере. У некоторых из нас настроение упало... Положение было неясное. Сидим день, другой и... третий. Никто к нам не идет. На прогулке перед обедом среди товарищей раздается ропот, зачем согласились сесть. Успокаиваем. Через одного выходившего из тюрьмы мне удалось передать записку в Московский комитет о том, что мы сидим в тюрьме и при каких обстоятельствах арестованы. На девятый день об'являем голодовку (сразу 480 человек). На десятый день нам передают газету „Социал-Демократ“ и на первой странице большими буквами напечатано: „Солдаты, жертвы Керенского, в Бутырской тюрьме об'явили голодовку“. На второй читаем в той же газете: „Трамвайная забастовка началась, требуют арестованных солдат с фронта, томящихся в Бутырской тюрьме, освободить“.

Прочли и кричим „ура“... Тем не менее голодовку продолжаем. На прогулке узнаем, что еще об'явили голодовку и другие политические, кроме наших, человек около 900. На третий день узнаем, что было заседание Московского совета рабочих и солдатских депутатов, что наш вопрос о голодовке стоял на обсуждении, и что решено выделить комиссию для выяснения положения. Читаем в газете, что в комиссию вошли тт. Рыков, Фирсов, Овсянников, Виноградская Полина и другие. Знаем, что это все большевики. Значит, скоро будем на свободе. Комиссия получила самые строгие задания все расследовать. На четвертый день голодовки пришла комиссия, и нас стали вызывать для выяснения. От них узнаем, что сегодня освобожден тов. Аросев с казанскими товарищами. Значит, дело улучшается. Комиссия снимает

допрос с нас, „преступников". А у нас почти у каждого партбилеты, — Петроградской, Московской, фронтовой, военной организации социал-демократов большевиков. Алексей Иванович Рыков шутя говорит Фирсову: „хорошенькие дезертиры, побольше бы таких преступников"... Расспрашиваем, как дела. Ободряют нас, говоря: „как только кончим обследование, сейчас же вас освободят. Голодовку надо прекратить, все равно освободят"... Однако, настроение у нас таково, что продолжаем голодать пятый день. На шестой день утром освободили 79 человек. Тогда прекратили голодовку. К 17 сентября освободили всех остальных по постановлению Московского совета. Нас, голодавших, разместили в двух госпиталях в качестве больных. Представили к нам начальство. Мы оказались вроде „подследственных", как тогда называли. Хорошо, думаем себе, вы пока исследуйте, а мы займемся агитацией.

Устраиваем заседание нашего комитета. Кузьмин, Грачев, Торгованов, Зеленов, Козин, Летунов и я, — весь комитет в полном составе. Постановили организовать 35 групп агитаторов и отдать их в распоряжение МК. И каждый день, по заданию МК и районных комитетов социал-демократов большевиков, мы ходили по фабрикам и казармам и рассказывали о страданиях солдат и общем положении на фронте. Первым долгом мы сделали доклад во фракции большевиков в Московском совете. На нас обратили внимание тт. Муралов и Аросев, — они сразу поняли нас. Перезнакомили нас со всеми, с кем надо было. Уже неделю спустя вся солдатская и рабочая Москва узнала, что из себя представляют двинцы. Не было такого митинга в Москве, где бы двинцы не выступали. Нас встречали с большим энтузиазмом.

Помнится, как в Алексеевском народном доме, в переполненном зале после речи незабвенного, погибшего

славной смертью тов. Усиевича я попросил слово, как представитель двинцев. Загорелась моя душа вместе с душою аудитории. Меня встретили аплодисментами, я тоже ответил аплодисментами. У некоторых брызнули слезы из глаз. Раздались крики: „Да здравствует пролетарская революция“, „Да здравствует III Интернационал!“ Я рассказал рабочим и солдатам, кто такие двинцы, и об издевательстве Временного правительства над нами.

Позднее приходилось выступать на шести-семи митингах в день.

Прошла еще неделя. Я и товарищ Козин были избраны в члены Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

Нам пришлось быть вечером 25 октября на знаменитом в истории последнем об'единенном заседании Московского совета солдатских депутатов совместно с дивизионными, бригадными и полковыми комитетами и советом рабочих депутатов. В последнем большевики имели большинство. Большой зал Политехнического музея битком набит рабочими и солдатскими депутатами, преобладают шинели солдат. В стороне от трибуны стоит группа офицеров, членов президиума и исполкома, во главе с командующим Московским военным округом, полковником Рябцевым. В зале тишина, и все чего-то напряженно ждут. На трибуне появляется представитель фракции большевиков тов. Мостовенко, он же член президиума совета, и об'являет заседание открытым. К нему подлетает председатель солдатского совета эсер Урнов и кричит, что он, Урнов, является председателем совета, а потому он и должен открыть заседание... В зале шум крики... „Ага, предатели!!!“ „Долой изменников рабочего класса, долой лакеев буржуазии... Вон!“ Представители комитетов и рабочие аплодируют, кричат... „Да здравствуют

большевики! Ура!“ Все кричат „ура“. Шум успокаивает тов. Мостовенко, который предлагает избрать председателя и спокойненько начать заседание. Выставляются две кандидатуры: тт. Мостовенко и Урнов. Голосуют, громадным большинством проходит тов. Мостовенко. Он и открыл заседание под аплодисменты и крики „ура“.

В порядке дня вопрос о создании Военно-революционного комитета и передачи ему всей полноты власти. Эсеры демонстративно покидают зал заседания, меньшевики заявляют, что они входят в Военно-революционный комитет. По смыслу их дальнейших речей было ясно, что они идут туда исключительно для того, чтобы всячески тормозить работу. Меньшевик Тетельбаум прочел в этом духе декларацию. И подавляющим большинством голосов Совета создается Военно-революционный комитет, членами которого, по предложению фракции большевиков, персонально утверждаются тт. Муралов, Ломов, Усиевич и другие. От меньшевиков входят Тетельбаум и Николаев. Настроение у всех превосходное. Расходясь поют „Интернационал“.

Интересно отметить настроение обывателей: в этот же самый вечер в зале должен был быть концерт, и вот публика ожидает у дверей, пока кончится это бурное заседание. И когда окончилось заседание, начался грандиозный концерт! 26 октября состоялось об'единенное заседание исполнительных комитетов советов рабочих и солдатских депутатов в доме Московского совета на Скобелевской (ныне Советской) площади. Доклад о событиях в Петрограде сделал тов. Ногин.

Тов. Ногин сообщил подробно о свержении Временного правительства и организации Военно-революционного комитета, которому Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов передал всю власть.

Заседание это происходило около 6 часов подряд; на нем выступали и меньшевики, и об'единенцы, и представители крестьянских депутатов. Необходимо отметить, что решения этого пленума принимались в обстановке острой борьбы между фракциями...

Воздух был насыщен борьбой-восстанием.

На утро я был экстренно вызван тов. Розенгольцем в Совет, и мне было предложено, согласно постановлению Военно-революционного комитета, организовать штаб разведки и немедленно вооружить для этого всех двинцев. К вечеру об исполнении ему лично донести. С величайшей радостью я сообщил моим двинцам об этом предложении. В две минуты вся команда была на ногах. Я сообщил самые последние подробности о захвате власти, о свержении Временного правительства и о том, что Московский совет тоже избрал Революционный комитет, который будет решительно бороться за власть советов.

— Настал момент, когда, не щадя своей жизни, мы должны показать нашу сплоченность в открытой борьбе с юнкерами, офицерами и разной буржуазной сволочью. Мы хорошо знаем военное дело, и наш долг быть везде впереди,—сказал я.

Около 460 человек из Савеловского госпиталя (первый отряд) был благополучно доставлен мною в Совет Немедленно принялись за работу. Бюро разведки—я и тов. К. Максимов из Совета рабочих депутатов. Я доложил тов. Розенгольцу, что первый наш отряд в Совете, и штаб разведки помещается наверху в 33-й комнате. Я предложил вызвать немедленно второй отряд из Озерковского госпиталя (из Замоскворечья). Получив согласие на вызов отряда в Совет, я пошел в комнату штаба говорить по телефону. Летунов сообщил мне, что двинцы из Озерковского госпиталя вооружены и ждут распоря-

жения. Я звоню Грачеву и даю распоряжение прибыть в Совет немедленно.

Через два-три часа было расставлено несколько разведывательных отрядов с оружием и без оружия. Человек 10 было отправлено к Кремлю встречать наш отряд... Первое донесение разведки было для нас, двинцев, печально. Когда головной отряд двинцев в 200 человек поравнялся с памятником Минину-Пожарскому, со стен Кремля из-за зубцов грянуло несколько юнкерских залпов, и около 50 человек передовиков было убито.

Начальник головного отряда двинцев тов. Сыпунов был поднят на штыки отрядом юнкеров, высыпавших из кремлевских ворот. Тогда на помощь первому подоспел второй отряд—тоже в 200 человек, и оба отряда, соединившись, с боем прошли к Совету, принеся с собою раненых и часть убитых. Так пролилась первая кровь восстания в Москве, об этом боевом крещении я донес в штаб тов. Аросеву, который был назначен командующим революционными войсками. Вскоре в Совет пришли в полном вооружении еще два полка—55 пехотный и 85 пехотный. Всю ночь подходили отряды рабочих, и утром следующего дня Совет превратился в вооруженный лагерь. К обеду около Совета были поставлены пушки 1 артиллерийской бригады.

Всю ночь беспрерывно поступали различного рода донесения. К этому времени были уже заняты почта, телеграф и некоторые вокзалы. Опорными пунктами белогвардейских войск и юнкеров были Александровское военное училище и Кремль. Они засели также и в Алексеевском военном училище, а также и во многих других пунктах в районе Кремля, Арбата и в Лефортове. На утро в штаб разведки пришли представители „команды“ школы юных разведчиков и предложили нам свои

услуги. Один еще совсем маленький мальчик, лет тринадцати, который являлся их представителем, с кривым глазом, боевой такой на вид, заявил мне, взяв под козырек: „Мы готовы слузить и отдать зизнь за революцию“.

Он некоторых букв не выговаривал. Их было шестьдесят человек. Посоветовавшись с тов. Аросевым, я принял их и дал им задание, чтобы через три часа они донесли мне о расположении юнкеров и белогвардейских студентов и об их вооружении.

Это поручение было ими выполнено с радостью, и мы скоро имели важные сведения в руках. Этим юным разведчикам легко было всюду проникнуть, потому что они были одеты в юнкерские шинельки, а от нас имели секретные пропуска для того, чтобы наши пикеты их не задерживали. О подвигах этих юных разведчиков я еще ниже расскажу. А теперь необходимо уделить внимание деятельности двинцев.

На утро не было такого района в Москве, где бы не было двинцев, и через них мы держали связь с районами и имели правильную ориентировку о военных силах противника и состоянии наших сил.

Помимо двинцев, разосланных по районам, в помещении второго этажа Московского совета была оставлена ударная группа около 300 человек, которая все последующее время играла роль вдохновителя-борца на самых опасных местах. Кроме того, в непосредственном распоряжении штаба была также ударная команда пулеметчиков-двинцев. Вскоре зовет меня тов. Аросев и говорит, что в градоначальстве засело около двух тысяч белогвардейцев (а ведь небезызвестно, что это помещение находится неподалеку от Московского совета, т.-е. на Тверском бульваре), и их необходимо оттуда выжить. Даю 40 человек под командою подпрапорщика тов. Зайцева. Распо-

ряжение о немедленном занятии градоначальства было дано тов. Аросевым. Через минут пять загремела артиллерия тов. Давидовского, одна шестидюймовка попала в дом градоначальства. Отряд двинцев перелез через заборы по крышам из Гнездниковского переулка и, что называется, ударил в тыл... (Необходимо бы назвать Тверской бульвар бульваром имени двинцев).

Через полчаса наши двинцы, одержавшие первую победу, привели к Московскому совету около тысячи пленных.

А у здания штаба революции толпа кричала: „Да здравствует власть советов“, „Долой попов!“ Оказывается, в это время митрополит Платон пришел к штабу просить „Христом богом“ прекратить стрельбу. Помню, к нему вышел тов. Соловьев В. И. и сказал ему, очевидно, пару теплых слов. Тот удалился с высокоподнятой головой.

Я дал задание нашим ответственным разведчикам, тт. Лобанову и Кузьмину (в распоряжении их было по двадцати человек), узнать, как идут бои у манежа и у Никитских ворот. К этому времени эти два пункта приобретали решающее значение для нашего центрального отряда. Третьей группе, под руководством тов. Трофимова, было дано задание разведать положение в Кремле и пробраться туда во что бы то ни стало.

Через некоторое время из Кремля чудом каким-то прибежал солдат 56 полка Чиненов и рассказал нам о зверствах, пытках и издевательствах, которые учиняли белогвардейцы над солдатами 56 полка, поднявшимися против юнкеров в самом Кремле. Воззвание Рябцева, командующего белогвардейскими войсками, говорило о занятии им главной твердыни—Кремля, о том, что здание Московского совета может быть в любой момент раз-

громлено... о том, что на помощь Рябцеву едут казаки и т. д. и т. п.

Помнится, как вбежал ко мне в комнату почти сумасшедший разведчик Васильев с возгласом: „тов. Федотов, спасите... Я сейчас убил 12 юнкеров... и привез в плен патроны и ихний пулемет. Вот посмотрите стоит около окон"... Я взглянул — верно. Стоит автомобиль и на нем пулеметы. А Васильев в экстазе продолжал рассказывать: „Они ехали снизу по Тверской, и около „Националя" остановились, а я из-за угла прицелюсь, „чик"—и готово, „чик" — и готово"... Мы ему дали чай и отдых, и он успокоился.

Затем стали поступать различного рода донесения. Бои были в самом разгаре и продолжались до глубокой ночи. И лишь к 12 часам ночи стихли: оказывается, было об'явлено перемирие. Это перемирие принесло пользу дальнейшему нарастанию и подготовке революционных сил.

Вдруг поступило донесение, что с Александровского вокзала прибудут 2000 матросов на помощь большевикам. Я вскрикнул от радости... А Летунов, уснувший вместе с тов. Козиным на полу нашего штаба-разведки после двух бессонных ночей, вскочил и со сна схватился за винтовку, бормоча: „Где юнкера?.. Я готов"... И берет на изготовку. Я его успокоил, и оба мы рассмеялись.

Дело доходило до кошмаров, и много труда нам стоило, чтобы, не спавши несколько ночей к ряду, удавалось сохранить хладнокровие. У меня в голове была какая-то свинцовая тяжесть... Я дал задание Летунову разведать о матросах. Оказалось, что это утка. Никаких матросов не прибывало..

Получилось донесение, что у Арбатских ворот нашего двинца-разведчика юнкера привязали к автомобилю и

таскали с разможженной головой по камням в продолжение двух часов. В штабе были страшно возмущены. На этом донесении я приписал: „Требую мести за эти зверства“.

Ночью об'ехали все посты и расположение наших войск. Настроение воинственное. Недовольны, что об'явлено перемирие. Росла и вооружалась Красная гвардия. Артиллерия есть, пулеметов хватит. Конечно, все это мы учитывали на глаз...

Руднев вел переговоры с нашим штабом. Говорил с ним тов. Ломов, а Усиевич все трунил и подсмеивался: „Вот сказать бы Давидовскому пустить туда парочку шестидюймовых, тогда он стал бы лучше разговаривать“... Но нужны были переговоры для выигрыша во времени. Несмотря на приказ о прекращении стрельбы, все же всю ночь слышались выстрелы в разных районах г. Москвы.

На утро 30 октября Революционный комитет дал приказ нажать по всем направлениям. И артиллерия загремела по Кремлю, Арбату, по манежу и Алексеевскому училищу.

Двинцы всюду впереди. Тов. Аросев говорит, что на Кремль надо в передовые цепи послать двинцев для того, чтоб вдохновить других. Посылаем отряд в 100 человек с тов. Зайцевым во главе. К вечеру у Никитских ворот слабовато—посылаем туда 40 человек двинцев, на помощь к Саблину, под командою Грачева. Положение напряженное, но весело. Эта ночь с 30 на 31 октября была в боевом отношении самой напряженной, никто буквально не имел возможности сомкнуть глаз. А тут еще разные темные элементы начали погромы в разных частях города. И здесь двинцы сыграли крупную роль своей выдержкой. Дело доходило до расстрелов на месте. Донесения поступали тревожные и вместе с тем говорящие о подходящих подкреплениях. Чувствовалась

уверенность в победе. Из Петрограда прибыло 500 матросов и из Владимира хорошо дисциплинированных 2000 солдат. Пришли вести из Петрограда, что Керенского разбили под Царским (теперешним Детским) селом. Настроение поднималось. В районах наше положение улучшалось. Дела же юнкеров шли все хуже и хуже, их сжимали кольцом наших войск в районах. Но в центре они развивали все большую активность.

Небезынтересно отметить одну из картин. Часов в 12 дня 31 октября мальчик Коля из команды юных разведчиков привел ко мне в комнату разведки генерала высоченного роста, с расчесанной на две стороны бородой. Генерал вошел, весь дрожа от страха быть убитым, а Коля машет перед самым носом генерала револьвером системы „Смит-Вессон“ длиною в 7 вершков. Только что они вошли в мою комнату, вдруг из Козьмодемьяновского переулка к Совету под'ехал белогвардейский броневик и начал обстреливать из пулеметов и легкого орудия стены нашего здания. Пули пролетели к нам в окно и влипли с визгом в потолок. Давидовский в упор броневику дал несколько залпов из пушек, стоявших тут же на площади. Шум, треск стекол... Генерал так и шлепнулся на пол... Смех и горе.

Через несколько минут все пришли в себя, и работа продолжалась. „Вот, тов. Федотов, привел генерала, у него много оружия нашли, разрешите мне его прикончить“,—говорил Коля. „Нет, этого нельзя“,—сказал я и под охраной еще одного солдата отправил его к Янушевскому—коменданту штаба.

Для более ясного представления о событиях, я позволю себе с точными датами опубликовать несколько донесений за эти дни,—такими, какими они сохранились у меня в архиве в копиях.

30 октября.

1. 6 час. 30 мин. Донесение за начальника разведки Федотова.

„Малая Бронная—наших было много, теперь осталось очень мало, нас обстреливают с двух сторон: с Никитского театра и с Никитского бульвара; требуется сто человек подкрепления немедленно“.

2. 7 час. „Малый Чернышевский переулок, сзади нашего дома у священника имеется несколько пудов муки, масла, варенья и мешок картофеля, кроме того, есть мясо. Прислуга говорит, что им приказано удалиться, ибо советское здание будет разрушено. При сем портрет найден, штык, шашка, и снят телефон, отдан в комнату № 27“.

3. 8 час. 10 мин. утра, донесение № 1. „В виду того, что бдительность постов по всем улицам и переулкам ослабла и являет собою опасение охраны, поэтому сейчас немедленно надо усилить посты. Согласно донесениям разведчиков, есть несколько магазинов разгромленных. За начальника разведки Федотов“.

4. 8 час. 45 мин. „В Газетный переулок пройти невозможно, занят проход юнкерами; посты требуется увеличить; на опорный пункт также выслать для его усиления; по Брюсовскому три поста наши; идем к Театральной площади“.

5. 9 час. 15 мин. „В Газетный переулок необходимо сейчас же направить патрулей, там никого нет; из глубины обстрел“.

6. 9 час. 15 мин. „По Чернышевскому переулку вглубь стоят юнкера и стреляют в наших. На углу Леонтьевского, от аптеки с колонн 50 юнкеров стреляло по направлению к Страстному монастырю. В театре „Унион“, на Никитской улице, есть много юнкеров, идет стрельба. Наши

посты необходимо сейчас же усилить, в Леонтьевском переулке есть один человек чуть ли не на весь переулок".

7. 9 час. 25 мин. „Пост угла Брюсовского принимает меры... их человек 30".

8. 9 час. 40 мин. „Из комнаты № 27 нашего здания видно, как с крыш и лазарета от Никитской юнкера стреляют залпом по направлению к Страстному монастырю".

9. 10 час. 50 мин. „Лубянская площадь занята юнкерами со вчерашнего вечера и посейчас. На Никитской только что ранен офицер. Наши отступали и после орудийного выстрела опять пошли вперед. Требуются немедленно патроны всяких калибров. Доставить пониже памятника Пушкину".

10. 11 час. 30 мин. „В Лефортове спокойно; ночью от нашей артиллерии были пожары; взяты 1 и 2 кадетские корпуса; у Астраханских казарм осаждают 3 кадетский корпус; стрельба идет".

11. 12 час. 50 мин. „Дом бывший градоначальника в наших руках. Обыскали помещение. Двух арестовали. Там будто был Руднев".

12. 2 часа. „Александровский вокзал в наших руках, выстрелов в районах слышится мало. Милиционеры в 12 часов на Тверской разгромили магазин с платьем, но положение восстановлено, выставлен наш караул, и милиционеры разбежались".

13. 2 часа 20 мин. „По Тверской погромов нет; стоят наши патрули по 3 и по 4 человека, спокойно. По Малой Дмитровке просят усилить немного караул".

14. 4 часа. 30 мин. „Дом № 9 занят нами в Газетном переулке".

15. 6 час. 30 мин. „Сейчас обыскан дом Быкова, 2-я Брестская улица, взят телефонный аппарат коменданта,

3 шинели, седло новое 1. Бинокля там не оказалось, патрон 7 пачек. Во время облавы трое убегли".

16. „Была послана разведка в количестве десяти человек обыскать и разведать № 9, в Газетном переулке, в результате двух ранило и установлено, что в доме № 3 и 1 стоят пулеметы юнкеров. Разведка не возвратилась еще".

17. „На углу Чернышевского из дома все время стреляют в наших. Напротив Совета с левой стороны тоже стреляют из верхнего этажа дома".

31 октября.

1. 12 час. 30 мин. Донесение Федотова. „У конца к Тверской сильная перестрелка; перебегают юнкера из гостиницы; наших мало; немедленно требуется поддержка людьми и патронами".

2. 2 часа дня. „Броневики удрали от гостиницы „Националь" по направлению к Кремлю. В глубине Газетного переулка наши патрули".

3. 2 часа. „Тверская улица — наша цепь идет к Иверским воротам, требуется немедленная поддержка. Цепь умоляла разведчика прислать поддержку". Помечено: „Разведке: остановить наступление и укрепиться".

4. 2 часа 15 мин. „До самых ворот Кремля нет никаких ихних сил. Юнкера убегли в панике. Наши у ворот Кремля. Немедленно нашим требуются солдаты".

5. 2 часа 16 мин. „У Арбатских ворот и сегодня еще продолжает стоять одна пушка. По направлению к Смоленскому рынку пошли юнкера. Наши отступили к Кудринской площади. На Арбатской площади, где раньше была трамвайная станция, состоялся сбор офицеров, человек 12".

6. 2 часа 40 мин. „У Петровских ворот, в доме близ церкви и также и в церкви есть засада, откуда стрельба по проходящим“.

7. 2 часа 40 мин. „Относительно одного мортирного тяжелого дивизиона никаких сведений не имеется“.

8. 2 часа 45 мин. „На Лубянке в домах есть наши. Угол Неглинной улицы и Кузнецкого Моста из дома банкира Джамгарова идет все время по нашим солдатам стрельба. Разведчики думают, что можно разбить этот дом. Стреляют они к Трубной площади“.

9. 3 часа „На Трубную площадь пришла рота солдат в количестве 150 человек, рассыпались по Цветному бульвару и начали стрелять в близрасположенные дома вверх. На Дмитровке очень мало постов наших“.

10. 3 часа 20 мин. „Театральная площадь, угол Дмитровки, дом № 2. Дворцовое ведомство занято нашими войсками, против этого дома из-за углов стреляют в дом, занятый нами, юнкера. Просят как можно скорее прислать хотя 50 человек для поддержки“.

11. 5 час. 40 мин. „Юнкерами занят Смоленский рынок у Арбата, доносят мальчики-разведчики (не разборчиво), переулок около Собачьей площадки и сама площадка занята юнкерами. Они обстреляли наших разведчиков. На Новинском бульваре наших обстреливали шрапнелью с Арбата. Наши отступили на Кудринскую площадь“.

12. 6 часов. „Россин сказал из Городского района, что войска из Лефортова не проходили к Лубянке и на Сухареву, пришли 110 самокатчиков. Мальчики доносят, что на Мясницкой и Покровке тоже не проходили войска из Лефортова; посланные милиционеры также не возвратились, которым был дан специальный приказ“.

13. 6 часов. „Симоновский район—Крутицкие казармы взяты. Сил много, все вооружены. Могут дать помощь“.

14. 6 час. 40 мин. „Есть слухи непроверенные, что прибыло 700 человек матросов. Потом отбит у юнкеров один броневик“.

15. 7 часов. „В Рогожском районе имеется около 30 бомбометов“.

16. 7 часов. „На Цветном и Сретенке есть наши посты, рота эта, оказывается, была самокатчиков; вероятно, она находится теперь в Городском районе. Со Сретенки наши стреляют из пулемета“.

17. 7 часов. „Прибыла разведка наша из Симоновского района, исполнив поручение. Симоновский район просит пулемет“.

18. 7 час. 50 мин. „На Воробьевых горах никакой артиллерии нет“.

19. 8 час. 15 мин. „Еще возвратился разведчик с Маросейки и сообщает, что по Маросейке стреляют прямо из домов вольные „мирные жители“. Никакие наши не проходили по Маросейке“.

20. 8 час. 40 мин. вечера. „Выяснилось, что лефортовская Красная гвардия—около 150 человек, и человек 150 солдат прибыли с тремя пулеметами. За Введенским народным домом стоят тяжелые орудия, два. Сейчас находятся на Сретенке. Ждут инструкций и приказаний“.

21. 9 час. 45 мин. вечера. „Богоявленский передал нашему разведчику, что с Зоринского островка выехало 1000 человек. Патрули наши от самого вокзала до центра: есть полверсты по два человека, по три человека“.

22. 9 час. 45 мин. вечера. „На станции Ховрино, Николаевской железной дороги, стоит поезд со снарядами, который назначили направлять в Коврово на стоянку. Моряки еще не приехали на Николаевский вокзал, их поджидают. Оставлено два разведчика для встречи их“.

23. 9 час. 50 мин. „В доме между Дмитровкой и Тверской есть таинственная сигнализация. По Козьмодемьяновскому переулку стоят наши посты, хотя мало, надо было бы усилить, а уже на Неглинном и Кузнецком прямо необходимо усилить караул. Пьяных не замечено. По Охотному ряду и т. д. посты бдительны, но необходимо все же усилить. В Газетном переулке, д. № 3, уже вечером поставлен пулемет. Посты в Брюсовском и около Совета, сидят двинцы, они просят их сменить, они страшно чувствуют себя усталыми. Донес разведчик-двинец“.

24. 9 час. 55 мин. „На Тверской и до Садовой немного замечаются пьяные, вообще же психологическое состояние масс наших товарищей-солдат утомленное. Было несколько случаев заявлений, что не сменяют уже по тридцать часов, что недопустимо. Видно, что затяжной характер операций действует деморализующим образом. Необходимо дать распоряжение, которое бы подействовало воодушевляюще“. На донесении помечено: „Приказ войскам о скором и успешном окончании операции. Обыскивать караулы“.

1. 12 часов. „Солдат 56 запасного полка, убежавший из Кремля от контр-революционеров, доносит следующее: В четверг, в 2 часа ночи, юнкера наступали на Кремль. В пятницу у нас с юнкерами было настоящее сражение, они кричали нам: „Сдавайтесь. Ваши товарищи все теперь за Временное старое правительство“. В 8 часов утра они у нас отобрали оружие и начали безоружных расстреливать из пулеметов; когда мы в панике бросились в россыпь и в особенности в казармы, юнкера направили в передовых штыки, и офицеры начали бить с револьверов; насколько нам известно, убитых осталось на площади около 250—300 человек, остальных арестовали и отправили в Окружной суд, потом заперли всех остальных в казарму, где помещалась раньше одна рота, и окна

отворять строго воспрещалось, и нам очень трудно было жить в виду сдавленного воздуха; оправляться нас выводить было строго воспрещено. Ящики с бельем были взломаны, белье все изорвано; деньги забрали у кого сколько было. 31 октября нас опросили, 35 человек они нашли невиновными и освободили. Таким образом, воспользуясь этим освобождением, я поспешил в Военно-революционный комитет с донесением. Прапорщик, который принял командование полка во время восстания, был избит до полусмерти и сейчас сидит, ему не оказывают никакой медицинской помощи. Товарищей просят на помощь".

2. 1 час. „На Тверском бульваре, дом № 18, предлагают семь бочек бензину в виду того, что около этого дома большой пожар и во избежание взрыва, когда приблизится пожар. Предлагают забрать Военно-революционному комитету". За подписью Андреев помечено: „Передано распоряжение начальнику пожарных.—К делу".

3. 2 часа. „Разведчики, вернувшиеся с разведки, доносят следующее: Обыскав гостиницу „Пассаж", где нами было замечено много офицеров, где и оказалось при обыске семь (7); гостиница обыскана тщательно, и поставлен наш караул; арестовано: один матрос и один солдат; при офицерах документы имеются с фронта; кругом все спокойно; караулы бдительны, но мало людей".

4. 12 часов ночи. „Автомобиль, который командирован привезти винтовки с Никитской от убитых и раненых, которые были собраны нами в одну кучу в переулке Малой Бронной; когда прибыли на место с автомобилем, наш караул заявил, что винтовки забрали раньше нас на автомобиль, которые заявили, что берут в Военно-революционный комитет, и они отдали. Желательно бы выяснить, привезли ли в Совет оные или нет".

5. 4 часа. „Вернувшиеся разведчики из Чернышевского переулка и Леонтьевского доносят следующее: По Чернышевскому переулку в доме № 27, четырехэтажный, выяснилось, что там поставлен наш пулемет, напротив этого дома стоит наш караул; остальные посты бдительны. В этом же переулке, третий дом от нашего пулемета, из окон часто появляется револьверная стрельба; наш пулемет хочет обстрелять угловой дом; в Леонтьевском переулке все спокойно; посты бдительны". На донесении помечено: „Ввиду отсутствия донесений было предложено разведчикам произвести разведку Чернышевского, Леонтьевского и Газетного переулков. Андреев".

6. 4 часа 30 мин. „Явившиеся разведчики со Страстной площади доносят следующее: На Никитской усиленная перестрелка пулемета и залпов винтовок в дом 17; о бензине никаких сведений нет. В виду того, что там наших караулов нет, поэтому не было кого спросить; напротив этого дома, через бульвар, в большом доме какой-то странный стук; огня нет; в виду того, что их мало было, они не решились сделать обыск; пожар в одном положении".

7. 5 час. 20 мин. „Вернувшиеся разведчики с Газетного переулка доносят следующее: Проверили посты в оном переулке до гостиницы „Континенталь", посты все бдительны, народу достаточно, в гостинице „Континенталь" просят смены. Усиленная перестрелка с гостиницы „Метрополь", обстреливают всю Театральную площадь и гостиницу „Континенталь"; остальное все спокойно".

1 ноября.

1 ноября Федотов открывает свои донесения таким документом:

1. „Регистрация разведки.—Из поступивших донесений с 31 октября по 1 ноября сего года".

В Центральном совете рабочих и солдатских депутатов. Обслуживался боевой участок в порядке и надлежащей связи с боевыми участками рот на 1 ноября. Разведка была урегулирована. Партии разведчиков каждая шли по назначенному маршруту, обращая особое внимание на бдительность постов, о чем своевременно доносим по назначению. Сейчас, кроме того, посланы конные разведчики из милиционеров. Общее положение можно считать удовлетворительным как в боевом, так и в других положениях. На постах стоять холодно, погода хорошая. За начальника разведки Федотов".

2. 5 час. 20 мин. „На Никитском и в районе конца Тверского бульвара аптека горит, наши ушли, потому что нельзя терпеть, заняв соседние дома. Идет сильная перестрелка".

3. 8 часов утра. „Согласно заявлению начальника отряда у Никитских ворот дело обстоит следующим образом: На домах на площади много пулеметов, точно не удалось выяснить, и для того, чтобы сбить пулеметы, нужны мортиры и бомбометы. И чтобы укрепить бомбометы, надо двадцать мешков: бомбометчики там есть, бомбометы есть в Рогожском районе, а гаубицы — в Сокольническом районе. Просьба прислать подкрепление из однородной части под командой, с унтер-офицером. И можно занять всю Никитскую и дальше,—доносит разведчик Красной гвардии Марков. Кроме того, просят прислать новый индуктор телефонного полевого аппарата к Никитским воротам".

4. 8 час. 5 мин. утра. „На Николаевский вокзал прибыли 2.000 матросов и сибирский полк еще вчера. Красная гвардия тоже приехала и находится, как доносит разведчик, у Сухаревой".

5. 8 час. 15 мин. утра. „На Александровском вокзале очень мало наших постов, но вообще тихо. А также от Александровского по Тверской мало постов. Доносит Савич".

6. 8 час. 35 мин. „У Никитских ворот горит аптека, идет сильная стрельба. Телефон нельзя провести — частый обстрел. Одного из разведчиков убили револьверным выстрелом. Был наш орудийный выстрел туда. Бдительность постов удовлетворительная, по направлению к Чернышевскому и в Леонтьевском стоят патрули, но не глубоко. У Никитских ворот и посейчас сильная перестрелка“.

7. 8 час. 40 мин. „Конные милиционеры, посланные в Замоскворецкий район с приказом последнего издания, были обстреляны в 2-м Хамовническом и у Триумфальных ворот из номерных комнат. Лошади перепугались, и пришлось уехать обратно“.

8. 8 час. 45 мин. „Кудринская площадь в наших руках. С Кудринской сейчас готовятся наступать — наше одно орудие. Юных разведчиков, которые туда ездили и доносят все это, дальше не пустили в виду могущего быть обстрела. Смоленский рынок под обстрелом. Последние посты требуют мандаты у разведчиков, и потому разведка не может поступать полностью. Настроение спокойное и бодрое, хотят и рвутся наступать. У Никитских ворот горит дом на углу“.

9. 8 час. 50 мин. „На Большой Дмитровке мало наших патрулей и пикетов, в Салтыковском переулке нет, в Кузнецком нет. У Большого театра артиллерия и спрашивает, как устроить прикрытие. В Камергерском переулке необходимо поставить хотя изредка пикеты“.

10. 8 час. 50 мин. „На улицу Лубянку просят смену караула. Сильный обстрел, в дом № 10, на углу Лубянки, упал снаряд“.

11. 9 часов. „Очень мало стоит патрулей у Каретной-Садовой; необходимо дать распоряжение об усилении“.

12. 9 час. 10 мин. Лично Аросеву. „Донесение о том, что прибыли матросы на Николаевский вокзал, не верно.

Только что возвратились специально посланные для этого разведчики и говорят, что вчера с 6 часов вечера и до сих пор никаких вообще эшелонов не прибывает“.

13. 10 часов. „Прошу отправить автомобиль с разведчиками за собранными винтовками. За начальника разведки Федотов“. Дальше следует подпись „А. Аросев“.

14. 11 час. 18 мин. „Доносят, что на Курский вокзал придут сегодня 300 человек солдат и 40 легких орудий большевистских революционных войск; доносят из района Калязин“.

15. 11 час. 20 мин. „На Трубниковском переулке юнкера ведут наступление. Просят помощь немедленно, потому что наших мало, а юнкеров много... скопляются на Собачью площадку“.

16. 12 часов. „С Тверской нельзя пройти на Охотный ряд, обстреливают из-за угла. Георгиевский переулок в наших руках, напротив, в Долгоруковском переулке, нет патруля; на Тверской разгромили магазин, просили караул из двинцев. На Петровке спокойно. Неглинный обстреливается вдоль из гостиницы „Метрополь“. На углу Неглинного убили двух наших солдат. Гостиница „Метрополь“ обстреливается нами и значительно повреждена“.

17. 12 часов. „Смоленский рынок занят нашими патрулями, Трубниковский еще ночью занят нами. На Арбате, в доме Герасимова, стоят два пулемета и стреляют на Смоленский рынок наши части от Москвы-реки. До Смоленского рынка Арбат занят нами“.

18. 13 час. 50 мин. „На Лубянской площади идет перестрелка, наши снаряды рвутся над и на гостинице „Метрополь“.

19. 13 час. 55 мин. „По словам газетчика, на Александровский вокзал прибыла партия казаков. Разведка послана проверить“.

20. 13 час. 56 мин. „Прибыли два броневика на Савеловский, их приведут под конвоем двинцы".

21. 14 час. 20 мин. „Гостиница „Метрополь" изрешетчена, но все же оттуда стреляет пулемет, отвечая артиллерии. Бьет по орудию у театра. А также вдоль Неглинного проезда".

22. 15 час. 40 мин. „В Дурновском переулке есть белая гвардия, кучками по углам наши заняли, начиная от Тверской и до Арбата: Садовую-Триумфальную, Кудринскую, Новинский бульвар, Смоленский бульвар до угла Арбата. В Кречетниковском переулке, дом Удельного общества, есть юнкера, арсенал, в Трубниковском переулке стрельба из окон".

23. 15 час. 40 мин. „Наши пикеты стоят на Большой Дмитровке и очень мало по 1-му и 2-му, со вчерашнего дня есть некоторые патрули, которые еще не ели целый день. На углу Рождественки и Кузнецкого нет совершенно пикетов. На Сретенке спокойно".

24. 15 час. 50 мин. „В Скарятинском переулке были студенты, их выбили с помощью орудия: он нами занят. Через Большую Никитскую перебегали студенты в Малый Никитский переулок и заняли его, начали обстреливать нас из каждого окна, нам требуется подкрепление немедленно. Садовая улица, дом 19, надо сделать обыск, там есть десять офицеров".

25. 15 час. 55 мин. „По Леонтьевскому переулку, у графини Уваровой засада 30 казаков".

26. 16 час. 5 мин. „Были посланы разведчики на Александровский вокзал узнать, есть ли на самом деле там казаки—ничего подобного нет. Спросили в железнодорожном комитете и также по телефону на товарную станцию—ничего нет, никаких казаков".

27. 16 час. 40 мин. „От Кудринской по Поварской нами занята позиция до Трубниковского переулка. Наши с Кудринской делают обход, имея в виду занять Никитский район действий. Смоленский рынок еще нами не занят; сейчас же надо подкрепление на Кудринскую“.

28. 17 час. 30 мин. „Только сейчас была послана разведка в гостиницу „Пассаж“ расследовать, что там происходит. Оказалось, что те матросы, которые от вас получили какие-то инструкции, которые, вероятно, являются шпионами, они сидят там и пьют вино. Здесь же в гостинице много юнкеров и офицеров. Из другого дома напротив наших разведчиков обстреляли. Сейчас же немедленно послать надо отряд в тридцать человек и занять помещение. А этих подозрительных матросов арестовать и поставить другой караул“.

29. 17 час. 50 мин. „У Никитских ворот горит Никитская аптека, и пекарня загорается. Идет сильная стрельба. Два разведчика пошли дальше найти Ананьина. Наши от аптеки влево и вправо. Требуется осмотреть дом № 20 по Тверскому бульвару. Реальное училище—один штатский сидит и стреляет на улицу, двух ранил. Из дома № 17 с правой стороны бульвара обстреливают наших. За начальника разведки Федотов.—Приняла Е. Ломтатидзе.—Меры приняты штабом. Е. Ломтатидзе.—Почему возвращено обратно донесение. Федотов“.

30. 17 час. 55 мин. „К Никитским воротам требуют немедленно подкрепление“.

31. 18 час. 10 мин. „Сейчас возвратился разведчик с поручиком Ананьевым, который у нас в разведывательном бюро, комната 33“.

32. 18 час. 25 мин. „Спиридоновский переулок—пулеметчик убит, пулемет охраняют четыре человека. Ананьина

не нашли, а нашли Гнедова, который просит броневик в Леонтьевский переулок, дабы пробить, и по „Униону“ сейчас будет стрелять артиллерия“.

33. 18 час. 50 мин. „На Смоленском рынке, у Арбата, находятся юнкера и броневики, стреляют по Новинскому бульвару и около Прохоровской фабрики, около Москвы-реки в нашу пушку. Пытались пройти на Малую Никитскую, их обстреляли, и разведчики увидели в доме большом—есть люди, и они стреляют; после обстрела разведчиков они замолчали“.

34. „18 час. 50 мин. „В Крутиченском переулке в 2 домах стоят пулеметы, стреляли, в эти два дома была стрельба, и теперь они заняты нами. Броневик со Смоленского отбит, и он ушел к Арбату. Потом мы пошли к Никитским воротам. У Никитских ворот неприятель отступил в свои окопы“.

35. 18 час. 40 мин. „В Кремль еще стрельбы не было. Артиллерия у Большого театра просит смены, они там с 3 часов утра и не ели. Прикрытие всего только шесть человек, очень мало, ждут броневика со стороны юнкеров; просят немедленно подкрепления“.

2 ноября.

Донесения Федотова.

1. 5 час. 55 мин. „На Сухаревке, из дома № 19, из окна происходят выстрелы. У Никольских ворот, из одиннадцатого дома, от ворот идет из окон сильная стрельба. Новослободская улица, в доме № 15, идут провокаторские выстрелы“.

2. 6 часов утра. „По Леонтьевскому переулку спокойно. Пикеты наши стоят бдительно. В домах ничего не замечено. По Чернышевскому переулку пикеты есть. За англий-

ским храмом из окна высокого дома все время раздаются одиночные выстрелы, убило прохожего, и солдаты, проходящие за едою, а также пикеты подвергаются, значит, обстрелу, и двое из них ранено. Патрули просят, нельзя ли взять этот дом, там, вероятно, мало противника, а для нас это был бы хороший пункт для обстрела Никитской улицы".

3. 6 часов вечера. „На Большой Лубянке грабят магазин с платьем".

4. 6 час. 20 мин. „Сейчас гостиница „Метрополь" обстреливается нашими орудиями. Оттуда отвечают пулеметным огнем очень сильно, широко, вся наша сторона к театрам, орудия не достает обстрел. Сейчас наши несколько перешли в гостиницу „Континенталь", и оттуда ружейным огнем обстреливают „Метрополь". Прикрытия у орудия мало. В Охотном ряду стоит наша застава для отражения перебежки из „Метрополя". От Иверских ворот стрельбы нет. На Большой Дмитровке наши пикеты редко и мало".

5. 6 час. 40 мин. „По Тверскому бульвару у Никитских ворот наши патрули бдительно охраняют. У самых Никитских ворот перестрелка, нельзя дальше пройти. На углу Бронной 5 саперный отряд: просят смену в 15 человек. Аптека еще горит. Погромов нет. На Большой Бронной спокойно, есть наши пикеты. 85 полка несколько человек просят смену. Настроение солдат бодрое и решительное: ждут победы".

6. 6 час. 40 мин. „Торговые ряды зняты нами. В Городской думе сидят наши. От стены Китай-города идет обстрел Кремля. Моховая улица до манежа наша, из манежа и нового университета наши части обстреливаются. Из старого университета не отвечают".

7. 7 час. 30 мин. „С линии Торговых рядов наши пулеметы обстреливают зубцы Кремля. У Боровицких ворот

наши бросали под ворота бомбы, наша артиллерия стреляла тоже в эти ворота. На Красной площади наших войск много, трезвые все, пьяных нет. Охотный ряд охраняется патрулем".

8. 9 час. 10 мин. „По Тверской наши посты бдительны. По Георгиевскому переулку с углов патрули. К театру привезено орудие 6-дюймовое, испортилось 3-дюймовое. Бьет по гостинице „Метрополь", из гостиницы отвечают из пулеметов. По ту сторону театра между Малым и Большим театрами испортилось орудие, бившее по гостинице. Неглинный проезд под обстрелом из гостиницы „Метрополь". Гостиница изрешетена. На углу Охотного, из красного дома, стреляют в наши части. Пострадавших нет".

9. 9 час. 50 мин. „Возвратившиеся из плена от неприятеля из Городской думы у Иверских ворот сообщают, что сегодня ночью из Городской думы в три часа ушли все неприятельские войска и учреждения. Пленные были заперты в отдельной комнате, когда стали громить двери, то их сторож выпустил. Как они слышали, 1 школа юнкеров арестована юнкерами, потому что не хотели итти против советов. В 6 школе брожение. Вчера посылали все юнкера делегацию к городскому голове, что если не дадут подкрепления, они все готовы к сдаче Революционному комитету. Запасы с'естных продуктов перевезены в Кремль. Алексеевская школа вся переодета в форму Александровского училища. В Кремле пулеметы и броневик. Окопы".

10. Федотов. 10 часов утра. „По Садовой наших патрулей очень мало. Дальше, Кудринская вся в наших руках, около которой неприятель не замечен. В Проточном переулке юнкера и ударники, перебежка через Смоленский рынок из Трубниковского в Проточный и обратно. На самом Смоленском наши патрули сняты юнкерами. Ночью

в 12 часов ездил броневик, и потому наши принуждены отступить. На Никитской наши же находятся у аптеки, где горело“.

11. 10 час. 55 мин. „Сейчас на Красной площади происходит ожесточенная схватка. Солдаты просят подкрепления“.

12. 11 час. 30 мин. „У Москворецкого моста пройти нельзя. На серой будке на набережной поставлен пулемет неприятеля и стреляет все время, никому не дает пропуска и прохода. На Варварской площади идет перестрелка. Против церкви Василия Блаженного стоит пулемет, тоже стреляет. На Никольской на двух церквах стоят пулеметы и вдоль Никольской стреляют, на изгибе стоят наши части. Наши продвинулись вплоть до самой Красной площади и занимают переулки и проходы. „Метрополь“ и Ильинские ворота заняты сегодня утром. У Ильинских ворот из домов перестрелка с их стороны кончилась в 4 часа утра. В Шереметьевской гостинице Черкасского переулка есть засада юнкеров“.

13. 11 час. 40 мин. „В Кремле войска почти нет, только стоят пулеметы. Немного правее (от входа) царь-колокола лежат ихние снаряды, посредине Кремля стоит артиллерия“.

14. 11 час. 55 мин. „Предлагаю осмотреть военный госпиталь № 1640 на Большой Дмитровке, в виду того, что там офицеры больные; возможно, что они вооруженные“. На обороте этого донесения Федотова помечено: „Через несколько времени“.

15. 12 часов. „Охотный ряд под обстрелом с колокольни в Кремле, все время стреляют из пулемета, и по этой колокольне бьет наше орудие от Большого театра, и артиллеристы говорят, пока не сшибут пулемет с церкви, не перестанут стрелять. По театральной площади свободно ходит публика“.

16. 12 час. 55 мин. „От гостиницы „Метрополь“ наши стреляют на Никольскую. С Никольской продолжается обстрел „Метрополя“ юнкерами“.

17. 1 час дня. „По Большой Никитской до дома № 45 можно пройти, но дальше нельзя; есть предположение, что стреляют в своих, потому что пули летят параллельно с Малой Никитской по Большой. К самым Никитским воротам все же подойти нельзя, в виду большого обстрела с трех сторон“.

18. 1 час 25 мин. „Нами заняты Дума и Исторический музей, а также вошли на Красную площадь в Иверские ворота и засели в домах. Из Кремля в наших стреляют из пулемета, из сада Александровского бьют по площади, наши просят артиллерию“.

19. 1 час 55 мин. „В Газетном переулке из дома № 9 происходит стрельба; сейчас оттуда привели из дома № 12 одного арестованного. Вообще Газетный переулок надо обыскать весь и разбить засевших там негодяев, обстреливающих всех и каждого“.

20. 2 часа дня. „Прибывшие разведчики из Сандуновского переулка доносят следующее:

Было донесено, что из Сандуновских бань обстреливают Неглинный и другие переулки; проникнув туда, наши разведчики удостоверились, что это неверно, там все спокойно. На Трубной площади из-за Народного дома, с высокого получаются частые выстрелы из револьвера. Левее наши обыскивают чердак, нет ли пулемета. На Рождественке идут частые выстрелы из револьверов. Остальное все спокойно“.

21. 2 часа дня. „Наши по Кремлевскому переулку и по Моховой обстреливают университет и перебираются к манежу, со стороны неприятеля тоже сильный огонь. Около Воскресенской площади с башни обстреливают наши расположенные части. В манеже все время стреляют“.

22. 5 часов. „От университета юнкера отходят, наши подходят к нему (старому). По Моховой обстрел с верхних этажей домов. Наши солдаты снуют во всю улицу, пробираются к Никитским воротам от Кремля. От Охотного ряда наши солдаты тащат узлы, их человек 15, остановил двинец-разведчик. В Китай-городе много наших. За начальника разведки Федотов. На Петровке магазин Суворова солдаты грабят. Двинцы, которые противодействуют, просят помощи. Федотов“.

23. 5 час. 20 мин. вечера. „Сухаревская площадь обстреливается домовыми комитетами по обеим сторонам. Самотека по обеим сторонам обстреливается тоже домовыми комитетами. Из меблированных комнат тоже стреляют из окон по солдатам. Наши отбиваются. До Сухаревой все-таки, конечно, можно ходить, потому что эти выстрелы провокаторские, со стороны обывателей“.

24. 6 час. 45 мин. „К Театральному и Охотному просят поддержки“.

25. Того же ноября, начальник разведки К. Г. Максимов подписал такую бумагу:

„Донесение за № 3 начальнику разведочной команды. Доношу до сведения, что Кудринская площадь занята революционными войсками. Поварская улица занята юнкерами и кадетами. Революционные войска ведут с юнкерами оживленную перестрелку. Донесено в 9½ часов 2 ноября 1917 г. разведчиками резерва конной милиции“.

Все донесения я помещаю сразу для цельности впечатления.

3 ноября.

1. 12 час. 15 мин. „Замоскворецкий район. Разведчики были в Замоскворецком районном совете рабочих и солдатских депутатов и узнали, что в Замоскворечьи

все обстоит спокойно. Штаб юнкеров на Пречистенке сдался, сегодня утром они втащили пулемет в штаб, и красногвардейцы обезоружили юнкеров без всякого сопротивления. Были также в Хамовническом совете рабочих и солдатских депутатов, там обстоит также благополучно, ночью хотя были перестрелки, часа в четыре утра все утихло. И сообщив в этих двух районах о положении вещей в центре, разведчики поехали к Брянскому вокзалу, где в революционном штабе сообщили, что до пяти часов утра была перестрелка, потом пришел представитель от юнкеров, начальник штаба, который просил успокоиться и сдал беспрекословно свое оружие. На вопрос, как у них обстоит дело, он ответил, что все посты сняты, и стрельбы больше нет; его хотели арестовать, но он сказал, что бежит из города Москвы и просит его отпустить. У него спросили, что же вы хотите предпринять, на что он ответил, что они все сдаются и желают мира. И его отпустили. Как только начальник штаба ушел, действительно, после уже не было ни одного выстрела. На вокзале говорят о том, что ходят люди, не знают ничего и не признают никакой власти. Когда Красная гвардия и солдаты просили их обезоружить, они отказались сдать оружие. 5 школа юнкеров около Смоленского рынка добровольно вынесла в переулок все свое оружие войскам Революционного комитета. Утром, после семи часов, были пойманы юнкера, отряд в 200 человек в полном вооружении, и были обезоружены. В Революционном комитете выяснилось, что эти юнкера были в Кремле и удирали на Брянский вокзал. Вообще на Брянском вокзале тщательная бдительность революционных войск. Доносит разведчик Камолов".

2. 12 час. 40 мин. „На Красной площади спокойно, на Тверской немного было кражи из магазинов. В Кремле

наши солдаты и Красная гвардия разбили несколько ящиков и берут платье и кошельки. Надо принять меры".

3. 12 час. 40 мин. Донесение Федотова. „Кречетниковский переулок: сегодня ночью была стрельба, теперь тихо; везде наши патрули, хотя мало. В доме Чучнева поймали десять человек юнкеров вчера вечером. Во всем Кудринском районе и Пресне все спокойно. В общежитии юных добровольцев отобрано 60 винтовок. Они теперь находятся в Пресненском комиссариате, сданы под расписку".

4. 1 час. „На Арбате везде наши патрули. У юнкеров все оружие отобрали наши солдаты. В Кремле необходимо прекратить расхищение оружия, так как беспорядочно берут, кому не лень".

5. „В Охотном ряду идет грабеж магазина и палаток".

6. „На Тверской улице, дом № 24, кв. 18 и 19 имеется оружие, которое находится в подвале. Брюсовский переулок, дом 1, Коровина, кв. 10 имеется оружие. Предлагаю сделать обыск, назначаю разведчика руководить обыском Лобанова".

7. 3 часа. „Начальник караула принес известие: когда мы явились в 7—8 часов утра, кадеты стреляли из пулеметов; мы им отвечали залпом. Слухи относительно расстрелянных не верны. Много юнкеров убежало. Сейчас в Кремле осталась одна рота школы, которая действовала как охрана от грабежей (200 человек) и не против нас. Кроме того, Рябцев отказался, и на его место был назначен Морозов".

4 ноября Федотов в 11 часов утра доносил: „Только что возвратившиеся разведчики заявляют, что на Курском вокзале все обстоит очень хорошо: их Военно-революционный комитет бдительно следит за всяким передви-

жением как войск, так и других припасов, и все, что против советов, будет им задержано".

В донесении № 8 от 9 час. 40 мин. К. Г. Максимов заявил: „Сегодня было заседание представителей всех районных советов рабочих депутатов, где я сделал заявление, что в разведку нужно хотя по два от района дельных товарищей в полное распоряжение разведки для установления тесного контакта между нами и ими, и, кроме того, предложено немедленно готовить рабочих, а особенно солдат их районов, чтобы скорее стягивать все силы на помощь советам".

„Мы, двинцы,—читаем на листочке, писанном красными чернилами,—Революционному комитету верим, любим его и всю кровь нашу отдадим ему. Мы просим смены караулов, но командный предложил снять посты совершенно. Мы устали, хотим отдохнуть для сохранения сил на подвиги любви к народу и чести. Если посты будут сняты, мы все не спавшие четверо суток, все, даже должностные лица, возьмем оружие и сами станем на посты, чтобы защитить революцию и Революционный комитет от покушений. Двинцы за всех".

Далее следует шесть подписей: Ф. Грачев, А. Кузьмин, Лобачов С. (три подписи неразборчивы).

ЧАСТЬ IV

Приводимый мною материал разведки особо ценен потому, что писался во время боя и характеризует ошибки, недостатки и успехи—является документом истории.

Необходимо привести еще целый ряд моментов, которые влияли как на исход событий, так и на организационное нарастание боевых сил в борьбе за власть советов.

Помню: я вошел в помещение штаба и был свидетелем следующего разговора. Дело было сразу же после обстрела из броневика штаба (Совета), настроение было какое-то особенное и решительное. Руднев звонил по телефону из штаба полковника Рябцева, предлагая немедленно сдаться... А Ломов, утомленный, едва говорил по телефону с Рудневым: „Что вы говорите?.. Что даете пять минут на размышление?.. Хорошо, мы подумаем. Но ведь у юнкеров нет подкрепления... Что?.. Снарядов у нас мало?.. Ну, это вы ошибаетесь... Мы знаем только то, что у вас-то вот патронов нет... Это мы точно знаем“... А потом, обратившись к присутствующим, с дрожью в голосе сказал: „Э, ребята!.. Да ведь они действительно нас хотят приступом брать... Что же ему ответить?..“ Усиевич вскочил, как петух, поправил очки и как закричит: „Скажи ему, чтобы шел к чорту. Все равно у них нечем стрелять. А у нас вся артиллерия с нами“...

Тов. Ломов звонит Рудневу: „Откуда это? А?.. Руднев... Мы точно установили, что у вас нет патронов"... (А остальные ему кричат: „Не выдавай себя, скажи ему, что снарядов у нас хватит")... „Все равно—разгромим весь Кремль, можно пожертвовать этой стариной для революции"...

Но к вечеру все-таки было вынесено постановление—очистить штаб от посторонних, все документы передать в районы, чтобы не пропали. Когда мы об этом узнали, то в особенности были возмущены Грачев и Козин—наши двинцы. „Это чорт знает что, наших товарищей таскают с раздробленными черепами по улицам Москвы, а мы будем Совет покидать—ни за что... Требуем сегодня ночью именно в Совете собрать всех представителей от всех частей и на этом собрании постановим—уходить в районы или нет"... Я написал в штаб это требование от имени команды двинцев и решительно просил ответа.

Я поехал осматривать районы и посты, а также бдительность наших передовых пунктов.

Помню, что мы ездили с тт. Розенгольцем и Усиевичем. Осмотрев все на местах, мы убедились, что хотя все устали, многие не спавши, но силы наши растут с каждой минутой. Усиевич мне говорит: „Ну, как, двинец?.. Уйдем из Совета или умрем в Совете?" А я ему отвечаю: „Наш один Грачев расстреляет из окна Совета целую роту юнкеров из того пулемета, который забаррикадирован мешками с песком... Нет, уж лучше ляжем костьми в стенах Совета, но не уйдем".—„Да, Федотыч... Лучше умереть, но Совет не бросать",—сказал Усиевич, вытирая снятые очки... Его глаза блестели особым огоньком надежды.

В 12 часов ночи были собраны представители всех наших войск, чтоб поставить вопрос об оставлении Со-

вета. Но еще перед заседанием тов. Муралов сообщил всем, что постановление об оставлении Совета отменено, и что надо собрать силы, чтоб окончательно разбить юнкеров... — Грачев, услыша это сообщение, вскрикнул: „Ну, товарищи двинцы-пулеметчики, садитесь на снаряды и летите в Кремль... Крышка Рябцеву“... Все закричали „ура“... Кричали „ура“ и пулеметчики-двинцы, которые набивали пулеметные ленты патронами тут же, в этой комнате, среди разбросанных пачек патронов, лент и полудюжины пулеметов „Максима“ (комната, где происходило это заседание, была помещением пулеметчиков).

Заседание открыл тов. Муралов. Я приведу это заседание почти целиком (только для сокращения не буду останавливаться на докладах с мест), по сохранившемуся у меня протоколу.

Слово тов. Аросева.

Итак, товарищи, мы сейчас выслушали с мест о настроении наших полков и вооружении их. Мы видим, что у нас в наличии очень большие силы, кроме того: большое количество артиллерии, пулеметы, есть даже аэропланы, которые могут завтра вылететь для метания бомб... А потому я предлагаю с рассветом открыть бомбардировку Кремля... ибо, невзирая ни на что, нам необходимо протаранить ворота Кремля, чтобы пехота могла свободно войти в стены Кремля. Затягивать операции с такими силами нет никакого смысла... (Возгласы некоторых из присутствующих: „Правильно! Бить — так бить!“). Вот именно: бить — так бить... У нас все прибывают новые и новые силы, а у Рябцева с каждым боем уменьшаются его юнкера... белогвардейцы чувствуют свою гибель... Мы должны напрячь все силы и решительно добить их.

Слово тов. Усиевича.

Еще сегодня днем стали поступать сведения, что белогвардейцы хотят разрушить наше здание, и установлено, что ими ведутся подготовительные мероприятия — на Арбате у них шестидюймовка... И потому днем было постановлено оставить это здание и перенести Революционный комитет в Городской район... Но постановление теперь отменено. Раз это так, то сама обстановка заставляет действовать решительно и скоро... Если белогвардейцы позволяли себе стрелять в автомобили „Красного Креста“, а также обыскивали наших санитаров и сестер и не давали убирать раненых,—стреляли даже в них, несмотря на повязку „Красного Креста“,—это значит, что они чувствуют свое положение и приходят в отчаяние... Но наши силы все прибывают... И что очень печально— благодаря задержке в операциях, частично нашими солдатами и темными бандами разбито несколько винных погребов; чтобы ликвидировать это несчастье, потребовались лучшие силы... Нет, мы должны с рассветом наступать всеми силами—и первым долгом взять Кремль... (Возгласы: „Верно, верно!“).

Слово тов. Муралова.

Я себе записал слово... Товарищи! Нам необходима все-таки выдержка... Иначе ведь можно проиграть сражение. Мы еще не имеем сведений, вполне устанавливающих силы белогвардейцев... Мы знаем, что у них сил мало, но ведь это все офицеры, юнкера, школы... Они все хорошо обучены, а наши красногвардейцы винтовки заряжать неумеют... (Летунов с места: „А у них студенты еще хуже наших красногвардейцев“). Да, это-то, конечно, так, но ведь мы с вами, товарищи,

совершаем важнейшее дело, где требуется величайшая осторожность и выдержка. Поэтому я и предлагаю учесть хорошо силы и еще раз пойти с Рябцевым, ихним командующим, на мирные переговоры... Слово имеет товарищ Федотов.

Слово тов. Федотова.

... Неужели, товарищи, вам не ясно то, что настроение войск—этот под'ем, который царит между ними,—может разрушить все?.. Хотя бы стены Кремля были стальные, и тогда бы они были разбиты... (Обращается главным образом к представителям от частей). Неужели, товарищи, мы можем допускать дальше издевательства над нашими лучшими товарищами?.. Товарищи! Вы, вероятно, знаете, что наших двух товарищей-двинцев белогвардейцы привязали к автомобилю и тащили по мостовой?.. Их головы были размозжены, и мозги тащились по камням... Такого зверства не видела испанская инквизиция... Их кровь вопиет к мести... Мы клянемся мстить до последней капли крови... И неужели теперь, имея такие силы, вы не проявите достаточно решительности для победы?.. Мы требуем немедленного наступления по всем пунктам... Наша решимость достигла крайних пределов... (Некоторые из собравшихся: „Да здравствует беспощадная месть. Наступать всеми силами!..“) Мы готовы погибнуть—все до одного. Мы разделимся из своей команды на группы и будем вдохновлять более слабых товарищей... (Возгласы: „Мы должны немедленно наступать...“). Победа в наших руках — неужели мы ее упустим из наших рук?.. Нет, мы победим и должны победить... (Входят Козин и Кузьмин—двинцы). Вот наши разведчики. Что нового?.. Я их послал... (Слово предоставляется вошедшим).

Слово тов. Козина.

Разрешите мне доложить... Во-первых, значит: Лубянская площадь в наших руках и сейчас... патрули и посты всюду бдительны... Они говорят, что белогвардейцы по одному перебегают из „Метрополя“ к Думе... Вглубь по Ильинке ходили мои разведчики, которые говорят, что юнкера жмутся ближе к Кремлю и группируются в Торговых рядах, но их немного... Из окна „Метрополя“ по направлению к Неглинному все время стрелял пулемет... Наши силы в районе Театральной площади все прибывают... Устанавливаются орудия. Настроение у всех такое, что ждут утром победы. Все старые солдаты говорят: пусть дают приказ наступать—разобьем вдребезги...

(Входит Лобанов и с ним солдат полка из Кремля)

Слово тов. Лобанова.

Вот товарищ 56 полка... только что от белогвардейцев... он расскажет, что делается в Кремле...

Тов. Муралов (шутя)

Ну-ну, товарищ, расскажи, как они там царствуют...

Слово солдата 56 полка.

Юнкера-то... У-у-х, что они там творят, сукины дети... (Он очень устал и дрожит). Дайте папироску... (Усиевич дает папироску, которую только что закурил). Вот, значит, в четверг-то... Ну, и сражались мы с ними — здорово! Потом в пятницу они нас осилили, черти, и вступили в Кремль — вот тут-то и по-

шло-о!.. Если бы немножко помощи, мы бы их не пустили... Тут на площади и пошла потасовка, наших человек триста легло... Потом они нас кто чем попало: кто из револьвера, кто штыком пыряет... а наш солдат один юнкеру нос откусил... Прямо озверели — вот до чего дорвались... Потом остальных нас в казарму закупорили и окна затворили — прямо законопатили совсем... Тяжко было и есть не давали... Потом уж наутро вывели несколько человек... Мы думали: куда... а потом узнали, что они их поставили в шеренгу и расстреляли... а нашего командира прапорщика до полусмерти избили и бросили в грязь... Безо всякой помощи и сейчас, наверно, лежит... День просидели мы, и вот теперь ночью кое-кого выпустили, и я с ними убежал и прямо сюда—рассказать своим товарищам... А их там немного... если бы наш полк целиком пустить, да немножко помощи — и Кремль наш...

(Все слушают с большим вниманием).

Слово тов. Кузьмина.

Разрешите и мне кое-что сообщить (Муралов молча разрешает). Мне было поручено разведать у Никитских ворот на Арбате и у манежа... Сейчас у Никитских ворот сгруппированы большие силы белогвардейцев — все больше юнкера... На крыше театра „Унион" у них поставлено два пулемета... Туда бы один снаряд, и готовы их пулеметы... Около Александровского училища две пушки. Одна направлена к нашему зданию, а другая на Брянский вокзал. К манежу не удалось пройти— тут очень здорово они охраняют... Наши сейчас заняты ужином — настроение очень хорошее, ждут приказа наступать... (Все переглядываются).

Тов. Муралов (переменился и радостно).

... Как видно, товарищи... все говорит за то, что мы должны немедленно наступать... Дело ясное... Кто за то, чтобы с рассветом наступать, — прошу поднять руки. (Все поднимают руки, даже пулеметчики, набивающие ленты, слыша все разговоры, тоже поднимают шутя руки, улыбаясь). Вот это здорово — единогласно...

Первый пулеметчик.

Давай скорей набивать...

Второй пулеметчик (смешливо).

А потом в брюхо юнкерам набьем... (Все смеются).

Тов. Муралов (вставая).

Считаю заседание закрытым...

Аросев вскочил на стол и ко всем обратился с призывом:

— Ну, а теперь, товарищи, все по своим местам и ждите приказа с рассветом в решительный бой.

Все быстро расходятся.

Это собрание было окончательным, переломным пунктом и имело решающее значение на исход событий.

В эту ночь было реквизировано большое количество продовольствия, и революционные войска были сыты. С рассветом начался решительный бой по всем направлениям.

На Кремль было отправлено еще 80 человек двинцев. Эти товарищи поклялись перед зданием Совета не притти до тех пор, пока Кремль не будет взят.

Мы должны отомстить за наших товарищей, легших костьми у Кремля, расстрелянных юнкерами из-за стен Кремля. Смерть юнкерам и всей белой гвардии!

С этими словами они пошли на Кремль.

Разведывательные отряды двинцев, подкрепленные и пополненные рабочими из районов, в эту ночь принесли все необходимые данные о состоянии белогвардейцев. Несмотря на усталость, эти последние силы двинцев были брошены в самые опасные места.

Весь день 1 ноября шли бои, бои ожесточенные. Двинцы дрались, как львы, всюду впереди.

Юнкера, уходя от Никитских ворот, еще вечером 31 октября подожгли два дома: один, где помещалась аптека, другой рядом. На утро весь Тверской и Никитский бульвар были очищены от белогвардейцев.

Весь день 1 ноября поступали самые отрадные донесения: пункт за пунктом переходил в руки войск Революционного комитета.

Все яснее становилось, что полная победа будет на нашей стороне. Ночью шла сильная стрельба, но больше из ружей. Только под утро было выпущено изрядное количество снарядов по засевшим и несдающимся белогвардейцам. Особенное внимание было уделено Кремлю. Его обстреливали по методу „сохранения исторической ценности", но тем не менее юнкерам Кремль пришлось 2 ноября оставить. Часам к двум дня в штаб ВРК пришел тов. Берзин с двумя солдатами, пробравшимися из Кремля. Они доложили, что юнкера из Кремля убегают. Вскоре поступило донесение уже из Кремля, что Кремль занят войсками Военно-революционного комитета. Борьба подходила к концу. Стало слышно, что опять ведутся переговоры о мире. И когда наши двинцы услышали об этом, то стали все протестовать. Донесения от них ко мне

в разведку были почти одного, примерно, следующего содержания: „Как?.. С юнкерами мириться? Да их надо всех до одного расстрелять... Мы требуем мести“.

Так приняли двинцы первые слухи о мире.

Но уже силы белогвардейцев и без того угасали с каждой минутой.

2 ноября, в 5 часов вечера, был подписан нижеследующий договор, полностью приводимый мною.

ДОГОВОР

между Военно-революционным комитетом и Комитетом общественной безопасности, 2 ноября с. г., 5 час. вечера.

1. Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписи мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются.

Представитель Военно-революционного
комитета: *В. Смирнов.*
П. Смидович.

Представители Комитета общественной безопасности:
3 подписи (написано неразборчиво).

Вечером в 9 часов был издан приказ за подписью тов. Усиевича, в котором было сказано:

„Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-революционного комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой, рабочей, солдатской и крестьянской революции! Враг сдался. Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета".

Как только был получен приказ, уцелевшие двинцы опять показали свою выдержку в исполнении всех поручений штаба.

Поручения заключались в том, чтобы не допустить бесчинств и излишеств со стороны разных элементов. А попыток было очень много. Конечно, пришлось коекого расстрелять, но ликвидация боев и разоружение юнкеров прошли удовлетворительно.

Прошло некоторое время, и через дня три-четыре по распоряжению тов. Розенгольца разведка штаба была распущена за „ненадобностью“. И на место ее в 33-й комнате Московского совета был организован Агитационно-пропагандистский отдел Московского совета рабочих и солдатских депутатов. Комиссаром этого отдела был назначен я, согласно постановления Президиума солдатской секции Московского совета.

260 человек двинцев было похоронено у стен Кремля в братской общей могиле, а около 400 человек (из 869) уцелевших было отправлено через Агитационный отдел по согласованию с МК (большевиков) в разные города Республики Советов для организации власти советов пролетарской диктатуры.

Так и закончилась история этой удивительной „команды“, родившейся из недр массового революционного движения.

Цена 55 коп.

Р.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА, Кузнецкий Мост, д. 1. Тел. 5-20-57.
ЛЕНИНГРАД, просп. 25 Окт., д. 68. Т. 2-28-56.